

Т

№6
Июнь 2018

УССКИЙ КЛУБ

**ВЕРНЫЙ СЕБЕ.
ВНЕ ВРЕМЕНИ И СО ВРЕМЕНЕМ**

Стр. 8

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№6
(152)
Июнь 2018

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4** ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ ГРУЗИИ
ФОТОРЕПОРТАЖ А. СВАТИКОВА
- 6** ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 8** ВЕРНЫЙ СЕБЕ. ВНЕ ВРЕМЕНИ И СО ВРЕМЕНЕМ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 14** «МЫ ПУСКАЕМ ГИТАРУ ... ПО КРУГУ»
ИННА БЕРИДЗЕ
- 20** ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 26** АКТРИСА, ДИРЕКТОР, КУЛИНАР И КРЕСТНАЯ МАМА
НИНА ШАДУРИ
- 29** САМОБЫТНОСТЬ МУЗЫКАЛЬНОГО ЯЗЫКА
МАРИЯ КИРАКОСОВА
- 33** «ПРОСТИТЕ, МАМА, ЧТО Я НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ...»
ЛЕВАН ДОЛИДЗЕ
- 36** НЕПРИДУМАННЫЕ ИСТОРИИ
ТАМАЗ ГЕНДЗЕХАДЗЕ
- 39** ВСЕЛЕННОЙ ЖИВОЙ МНОГОГРАННИК
АНАИДА ГАЛУСТЯН
- 42** СВЕТ ДАЛЕКИХ ЗВЕЗД
КАМИЛЛА МАРИАМ КОРИНТЭЛИ
- 46** МАЛЬЧИК НА ФОНЕ ДЕРЕВА. ДЕТАЛЬ
НИКОЛАЙ ШАХБАЗОВ

На обложке – Грузия отмечает 100-летие со дня провозглашения
независимости в 1918 году

Фото Александра Сватикова

26 мая Грузия широко отпраздновала 100-летие со дня провозглашения независимости.

Фоторепортаж с проспекта Руставели А. Сватикова

ОТ ДО

■ Роб АВАДЯЕВ

ЛОКОМОТИВ ДЛЯ ГЕРОЯ

Как говорили мудрецы, рядом с выдающимся мужчиной всегда ищите умную женщину. Великие свершения исторических героев подчас не состоялись бы, если бы не они. Не всегда в жизни удается оказаться «в нужное время в нужном месте». Но если повезет, вас полюбит необыкновенная женщина. Одному французскому провинциалу именно так подфартило. Он был из «понаехавших» в Париж молодых честолюбцев. Они слетались в мятежную столицу, как мотыльки на огонь революции. Тогда легко делались карьеры. А провинциал был артиллерийским капитаном, храбрцом и военным талантом. Ему повезло заменить своего командира под Тулоном. И под его командой части революционной армии штурмом взяли город, занятый англичанами и роялистами. Так молодой герой стал генералом. Тут бы и пролился на него «дождичек удач», но карьера застопорилась. А удача пришла к генералу Бонапарту

откуда не ожидалось. Один из лидеров антиякобинского переворота де Баррас вознамерился придать солидный статус своей давнишней подруге – прекрасной Жозефине. Этой веселой вдове казненного на гильотине виконта де Богарне изрядно надоело быть блестящей любовницей, а нужно было вновь замуж, чтобы в глазах общества стать «порядочной женщиной». И брак с революционным генералом был то, что надо. Жозефина и Наполеон поженились в 1796 году. Любила ли тогда невеста жениха неизвестно, но будущий властитель Европы страстно влюбился в светскую львицу, несмотря на то, что она была старше его на шесть лет. Жозефина родилась на Мартинике 23 июня 1763 года в аристократической, но небогатой семье, и ее ранний брак должен был поправить неблестящее финансовое положение родителей. Но семейного счастья с первым мужем – ветреным виконтом не получилось, и они жили «в разъезде», что не помешало Жозефине попасть в страшную тюрьму Консьержери в камеру смертников, чтобы, как и бывший муж, окончить свою жизнь на плахе. Но внезапно случившееся падение кровавого Робеспьера и его клики спасло ей жизнь. Неспроста ее так хранила Судьба. Ведь Жозефине предстояло помочь своему новому мужу получить выгодное назначение, сделать военную карьеру, а после и вовсе стать Первым Консулом французской республики. А дальше, как оказалось, им обоим было суждено сесть на императорский трон. Вот только с наследниками новоявленному императору Наполеону I не повезло – Жозефине никак не удавалось родить сына. И он решился на развод и новый союз, на сей раз с принцессой. Бонапарту очень хотелось основать новую династию. И герой «отцепил свой надежный локомотив». Их горе с Жозефиной было искренним и взаимным, несмотря ни на что, у них был очень страстный брак. Наполеон оставил своей любимой бывшей жене все регалии, ее двор и состояние. Они остались друзьями на всю жизнь. Жозефина умерла вскоре после его падения и ссылки на остров Эльбу. А он ее

оплакивал. Династию Наполеону основать так и не удалось. Стоило ли страдать от разлуки? Ведь не зря говорят: «С любимыми не расставайтесь».

«УНО МОМЕНТО, УНО САНТИМЕНТО»

Все мы помним прелестную музыкальную кинокомедию Марка Захарова, где два уморительных персонажа Абдулова и Фарады исполняли песенку, как выяснилось, Юлия Кима, представлявшую сплошной набор всех известных автору итальянских слов. Эта история о любви была поставлена по мотивам повести Алексея Толстого. В ней рассказывается о путешествии и невероятных приключениях в России знаменитого итальянского авантюриста, шарлатана и обманщика графа Алессандро Калиостро. Известно также, что в основе повести лежат вполне достоверные исторические события. Но начнем сначала: во-первых, наш герой никакой не граф, во-вторых, не Алессандро, в-третьих, не Калиостро и рожден не в год извержения Везувия 2236 лет назад – об этом он сообщил изумленным почитателям в 1777 году, следовательно, добавив 241 год прошедший с той поры, получается 2477 лет назад, что соответствует 459 году до н.э. Так вот, это все вранье! Звали его Джузеппе Бальзамо, родился он то ли 2, то ли 7 июня 1743 года в семье мелкого торговца сукном. Был он парнем неспокойным, жуликоватым и вороватым, но очень способным к наукам, особенно к химии. Он рано связался с базарными шарлатанами, среди которых было немало талантливых людей, и быстро обучился их приемам и фокусам. Не обошлось в его жизни и без необычных встреч. В юности он познакомился с самым настоя-

щим алхимиком по имени Альто-тас, с которым уехал на Мальту и далее в Египет. Где его еще носило, никто не знает, известно только, что он многое в многолетнем путешествии видел и немало научился. Когда молодой человек возвратился в Италию, он назвался графом и аристократическим именем. А далее в его жизни были сплошные гастроли, выступления с волшебными сеансами, женитьба на красавице Лоренце, бесконечные дороги, страны и города. Кем он только не представлялся – дескать, он великий алхимик и прорицатель будущего, «великий копт», адепт древнего египетского Устава. Утверждал также, что посвящен в мистические тайны жрецов Египта и мудрецов халдеев, что побывал внутри египетских пирамид и встречался с бессмертными мудрецами, хранителями тайн самого бога алхимии и тайного знания. Заявлял, что может «выращивать» драгоценные камни, угадывать счастливые цифры, что познал тайну философского камня и создал эликсир бессмертия. Короче, много всего-всего прочего и «толстый слой шоколада». Сказать, что все подряд ему верили, так нет – самозванный граф часто попадал в переpleты и знал многие тюремные камеры, откуда его неизменно вытаскивала верная Лоренца, порой платив это своим телом. А из России ему пришлось попросту сбежать, ибо он получил приказание императрицы уехать «елико возможно поспешно». Но к нему неплохо относились масоны, граф им создавал неплохую рекламу. Они-то его и «подвели под монастырь» – в самом прямом смысле. Калиостро неосторожно вернулся в Рим, когда там под страхом смерти было запрещено участие в масонских ложах. Его арестовали, осудили как еретика на смерть, но заменили казнь на пожизненное заключение в монастыре Сан-Лео, где он и окончил свой жизненный путь. Теперь вопрос: так был ли граф Калиостро, или, если кому нравится, Джузеппе Бальзамо абсолютным шарлатаном? А может, все-таки в нем было что-то необычное, кроме наглости, обаяния, ловкости и харизмы? Да, было! Задokumentированы факты излечения им людей от разных болезней. Сохранились «выращенные» Калиостро драгоценные камни – он брал маленькие камни и возвращал большими. А также известно, что, пообещав князю Потемкину утроить его зо-

лото, действительно как-то утроил громадное число выделенных для эксперимента золотых монет, без возможности подмены, чему было немало свидетелей. А еще были у него точные до конкретных дней долгосрочные предсказания.

Много есть на свете странно-го, «чего не снилось мудрецам»!

АХ, ТАИТИ, ТАИТИ...

Он был урожденным парижанином и появился на свет в семье журналиста – яркого республиканца и дочери знаменитой южноамериканской утопической социалистки – красавице-креолки из Перу. Детство он провел в тропиках родины матери, потому с юности тяготел к путешествиям и был непоседой. Вернувшись во Францию, он стал моряком и пробыл в непрерывных скитаниях, не сходя на берег, семь лет. Потом уже в молодости стал лихим парижским биржевым брокером. Но это не принесло ему ни удовлетворения, ни богатства, ни друзей. И главным в его жизни оказалась не работа, а хобби – увлечение живописью. Этот человек вошел в историю как великий французский художник-постимпрессионист Поль Гоген. Он дружил с Камилем Писсарро и Эдгаром Дега, выступал с импрессионистами. Но постепенно у Гогена начинает вырабатываться свой неповторимый художественный стиль с философским символистским подтекстом, столь отличающий его работы от реалистов коллег. Но городская жизнь «в гуще цивилизации» не делает его счастливым, и он, оставив семью и приличную работу, вновь отправился в скитания – на остров Мартинику, в Панаму. Путешествует по югу Франции, гостит у Ван-Гога в Арле, но это кончается ссорой из-за начинающейся душевной болезни Винсента. А потом он добрался до Таити, где написал около 90 работ. Умер Гоген на острове Хива-Оа в Тихом океане. Сейчас это один из самых «дорогих» художников на современных аукционах.

«НАЧИНАЕТСЯ ПЛАЧ ГИТАРЫ»

В этом году исполняется 120 лет со дня рождения великого испанского поэта и драматурга Федерико Гарсиа Лорки. Уроженец Гранады стал поистине народным поэтом и прославил свою родину во всем мире. Он рано начал писать стихи и, уехав учиться в столицу, быстро прославился в кругах просвещенной элиты. Но это его не могло удовлетворить, и он начал писать пьесы для постановок на театральной сцене. Их успех сделал его знаменитым по всей стране, а пьесы на народные темы нашли отклик в самых широких слоях населения. У Лорки выходят один за другим поэтические сборники, включая «Цыганское романсеро». Ему удалось «слить цыганскую мифологию со всей сегодняшней обыденностью». В Мадриде он дружит с Сальвадором Дали, Луисом Бунюэлем и Рафаэлем Альберти. Его любят и парижские эстеты и знатоки. Он становится своим среди художников-авангардистов. В 1930 году Лорка уезжает в Нью-Йорк. Далее он решает перебраться в Мексику, но неожиданно возвращается на родину. А там началась кровопролитная Гражданская война. В родной Гранаде его арестовали как друга лидеров республиканцев и через два дня расстреляли в неизвестном месте. Имя Лорки и его сочинения были во франкистской Испании под запретом все годы жизни каудильо. А сам великий поэт в стихотворении «История и круговорот трех друзей» предсказал свою гибель и похороны в тайной могиле. Его поэзию на русский переводили Марина Цветаева, Н. Асеев, А. Гелескул, Юнна Мориц.

Сцена из спектакля «Три товарища»

ВЕРНЫЙ СЕБЕ. ВНЕ ВРЕМЕНИ И СО ВРЕМЕНЕМ

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

В мае Тбилисский русский театр им. А.С. Грибоедова принимал Московский театр «Современник», приехавший в Грузию благодаря крупнейшей театральной программе «Большие гастроли», организованной Федеральным центром поддержки гастрольной деятельности Министерства культуры России. Принимал спустя три десятилетия – в последний раз театр побывал в Грузии в 1987 году. К приезду гостей грибоедовцы тщательно готовились, предвкушая долгожданную встречу с прославленной труппой. Билеты на спектакли «Современника» были распроданы задолго до начала гастролей... Причем большой зал заполняли не только зрители старшего поколения, хорошо знакомые с историей «современниковцев»

и их спектаклями – было много молодых, кто хотя бы в силу возраста не мог видеть постановки знаменитого театра, на сцене которого сегодня блистают Марина Неелова, Лия Ахеджакова, Валентин Гафт, Сергей Гармаш, Владислав Ветров, Чулпан Хаматова, Ольга Дроздова, Алена Бабенко...

«ВОИСТИНУ ЖЕСТОКИЙ ВЕК»

«Современник», оставаясь верным себе на протяжении шести десятилетий (как известно, он был основан в 1956 году), привез в Тбилиси два своих легендарных спектакля в постановке бессменного лидера театра Галины Борисовны Волчек – «Три товарища» (1999) по

Ремарку и чеховский «Вишневый сад» (1997). Оба поставлены на переломе эпох, в лихие 90-е, и несут на себе отпечаток времени радикальных перемен в общественном сознании. Китайский мыслитель Конфуций писал: «Не дай вам Бог жить в эпоху больших перемен!». Имеются в виду государственные перевороты, революции, войны и, как следствие, в лучшем случае – новый порядок жизни, новые правила, в худшем – распад и смерть. В спектакле «Современника» «Три товарища» эпоха, в которую происходят события, заявлена очень определенно – прежде всего, в активном сценическом пространстве (художник – Павел Пархоменко). Подвижные металлические конструкции, массовка, навязчивые образы

– время от времени появляющаяся женщина с детьми, просящими подаяние, офицеры в черных мундирах – намек на приближающуюся «коричневую чуму», ювелирный магазин, подвергшийся разбойному нападению отморожков, митинги, стрельба, факельные шествия, дождь из листовок. Наконец, сцены с собакой, преследующей какого-то человека. И тут нужно сказать об участии в спектакле наших – очаровательных грузинских детей, органично существующих в предлагаемых обстоятельствах. Как, впрочем, и сотрудник Грибоедовского театра, охранник, кинолог Георгий Алиханов со своей воспитанницей – овчаркой Джесси и ее хозяйкой – все удачно, без всяких скидок, вписались в спектакль «Современника».

Участие в спектакле детей и животных – задача всегда непростая. Но это придает происходящему на сцене большую подлинность. Да и вся постановочная фактура в спектакле – настоящая. Даже сварка в мастерской трех товарищей – Роберта (Шамиль Хаматов), Отто (Сергей Юшкевич) и Готфрида (Сергей Гирин).

На сцене воссоздана тревожная атмосфера накануне прихода к власти Гитлера. В этом непредсказуемом мире, таящем опасности, каким-то чудом выживают хрупкие человеческие отношения, чувства – любовь, дружба, верность, сострадание. И то – на время... Не зря одна из книг любимого читателями разных поколений писателя, представителя «потерянного» поколения Эриха Марии Ремарка так и называется – «Жизнь взаимы».

На фоне этого металлического каркаса жестокого «века-волкодава» (Мандельштам) разворачивается красивая и печальная история любви и дружбы. Отдаленно звучит волнующая джазовая музыка (музыкально-художественное решение спектакля – студия

«Аудиотеатр»). Герои спектакля парят над грешной землей – откуда-то с небес к «последнему романтику» Роберту спускается нежная Патриция (Татьяна Лялина). На каком-то мифическом балконе. И оттуда ведет диалог с возлюбленным, как шекспировская Джульетта. Позднее балкон опустеет – на нем останутся только «то самое» волшебное платье Пат из серебряной парчи и ее любимый игрушечный медвежонок... Девушки не стало! Но самым впечатляющим оказался финал – гимн любви и дружбе – летящий над сценой автомобиль с человеческим именем «Карл» (он тоже неотъемлемая часть их сообщества), в котором сидят улыбающиеся, счастливые и обретшие бессмертие Пат и три товарища.

В спектакле «Вишневый сад» конкретного исторического фона, как такового, нет (сценография лаконична и условна – ее авторы Павел Каплевич, Петр Кириллов), но тревога и какая-то потерянности ощущается в отношениях персонажей. Здесь тоже «жизнь взаимы»: никто из героев (за исключением Лопухина) не представляет, что их ждет завтра, они охвачены смятением, раздавлены, нежизнеспособны. Внутренне смирились, погасли, особенно Варя (Мария Аниканова), Гаев (Владислав Ветров). Даже те,

кого всегда считают носителями нового, позитивного начала: Аня (Татьяна Лялина), Петя Трофимов (Александр Хованский). Но их оптимистический посыл не убеждает – это скорее дань традиции, слова... слова... слова. Даже вспыхнувший было между ними огонек сразу погас. Да и был ли огонек?

Отдельный разговор – о Лопухине (Сергей Гармаш). Он, разумеется, строитель будущего и действительно верит в грядущее счастье для всех. Но все-таки ликование Лопухина, ставшего обладателем вишневого сада, мало похоже на триумф победителя. Почему-то не верится, что в новом статусе он по-настоящему счастлив. Все сложнее: в радости купца Ермолая ощущается какой-то надрыв. Исполнилось давнее, выношенное желание сильного человека, добившегося цели спустя годы! Но, как это часто бывает в жизни, настоящего праздника не случилось. По сути, это Пиррова победа, за которую Лопухин заплатил слишком большую цену. Ведь он так и не обрел главного – человеческих отношений, настоящей, долговечной близости, потребность в которой у него была всегда! Варю Лопухин не любит, юношеская влюбленность в Раневскую (Марина Неелова) – иллюзия. У него

«Три товарища»

Галина Волчек

действительно слишком тонкая, нежная душа... и там тоже притаилась червоточинка, мешающая быть счастливым. Лопехин – Гармаш, по сути, одиночка, и единственное, что приносит ему удовлетворение (удовлетворение – но не счастье!) и душевный покой – это деятельность. Чего, впрочем, нет у других персонажей. Представляется, что Лопехин Гармаша – это будущий меценат, этакий Савва Морозов. Но как закончил свою жизнь этот уникальный человек?!

А какая она, Раневская Марины Нееловой? Ускользящая, неуловимая, разная, с постоянными перепадами настроения, добрая и грешная, любящая и равнодушная, умная и легкомысленная. Женщина. Актриса передает текучесть характера своей героини, парадоксы ее личности. Катастрофа для Раневской – вполне, впрочем, ожидаемая и прогнозируемая, как бы они себя не обманывали, всеми участниками этой истории, – произошла в третьем действии. А в четвертом Любовь Андреевна – Неелова почти спокойна. Тут уже нет места эмоциям. Она просто не впускает в себя переживания, внутренне абстрагируется, закрывается от них. Тем более, что для Раневской продажа имения – это уже факт свершившийся. Она открыта завтрашнему дню, который, впрочем, не сулит ничего хорошего. Когда Аня просит ее: «Мама, приезжай!», Любовь Андреевна Нееловой отвечает почти небрежно: «Приеду, мое золото!» Но мы понимаем, что возвращения не будет, для Раневской все мосты сожжены. И Любовь Андреевна без отчаяния и ломок расстается с прошлым... с тем прошлым, которое еще вчера было ее настоящим, когда она только приехала в имение и готова была, по ее собственному признанию, прыгать от радости.

Парадоксальное, трагикомическое отражение всего происходящего в спектакле – Шарлотта Ольги Дроздовой. В шутовских проявлениях этой одинокой клоунессы – безуспешная попытка уйти от реальности...

ТОВАРИЩЕСТВО ГАЛИНЫ ВОЛЧЕК

В эксклюзивном интервью художественный руководитель театра «Современник»,

Народная артистка СССР Галина Волчек – личность уникальная! – выразила свое особое отношение к такому понятию, как товарищество.

– Галина Борисовна, спектакль «Три товарища» – о том, как в самые трудные времена важно сохранить главные человеческие ценности: достоинство, любовь, дружбу. Наверняка вы не случайно обратились к этому произведению в смутные времена, в конце 90-х, накануне нового тысячелетия, когда разрушился старый мир и создавался новый.

– Для меня было важно, что ситуация в стране очень сильно поменялась к этому моменту. То есть понятие «товарищество» для меня гораздо более широкое, чем «дружба». Дружба – высокое и исключительное качество. Но оно очень личностное. Может быть друг, подруга... два, три друга. Но все равно это дружба, а не товарищество, которое было воспитано определенными жизненными условиями, укладом жизни. И мы это потеряли. К тому моменту прошли две войны, и это тоже повлияло на психологию, жизненную мотивацию. Молодых заботило, что в кармане не было копеек для того, чтобы порадовать свою девушку тем, что в 90-е годы только появилось в продаже. Хотелось, чтобы то, что мы прожили и пережили, как-то отпечаталось в сознании молодых. Ведь что такое война? И что такое, когда герой «Трех товарищей» купается в реке и видит плавающие в крови части человеческого тела?.. Другие ценности были в сознании этих людей. Митинги, которые сопутствовали сложному периоду истории нашей страны, были абсолютной принадлежностью, необходимостью времени. И для героев Ремарка это было тоже абсолютной нормой их жизни – как и факельные шествия и т.д. Мое обращение к «Трем товарищам» было продиктовано очень большим интересом к этому произведению в то время, и я ощущала большую внутреннюю связь с ним. С тем, что может быть не только любопытно, но и полезно, интересно молодому поколению.

– Именно узы товарищества соединили вас и ваших молодых коллег в те годы, когда создавался «Современник».

– Безусловно.

– Чем прежний «Современник» отличается от нынешнего? В чем разница?

– Это очень большой теоретический, даже театроведческий вопрос. Я не готова пуститься в обсуждение теоретических проблем. Разница в том, что мы живем в другое время. Другое видим, слышим, поем, едим. По-другому существуем – это естественно. То, чего добивался наш

учитель Олег Ефремов, – чтобы «Современник» стал театром-домом, – случилось! Но и тогда, и сейчас трудно этому соответствовать. Но когда сегодня приходят ребята и говорят о своем желании справить свадьбу в театре, я говорю: конечно! Это театр-дом, в котором бывает и ругань, и непонимание между людьми. Но это дом! И сейчас я счастлива тем, что как только стала главным режиссером, пошла в Щукинское училище, чтобы посмотреть молодых и привлечь в труппу талантливых ребят. Чтобы они жили и работали в «Современнике». Нужно передавать эстафету молодым тогда, когда ты еще это можешь делать. Я точно знаю, что это та часть театра, которая, когда нас не будет, не позволит превратить «Современник» в модный театр. Не дай Бог ему стать модным театром!

– Кто и что стали определяющим фактором для рождения вашего интереса к театру? Первые впечатления? Круг чтения? Встречи?

– Мне очень повезло. Будучи еще ребенком, я жила среди людей, которые определяли вкусы, мысли и действия лучших кинодеятелей того времени. Мой папа был известный кинооператор, потом – кинорежиссер. И моими соседями, которые дергали меня за косички и шлепали по попе, когда я играла в классики перед подъездом, были Михаил Ромм, Юлий Райзман, Александр Птушко, Дзига Вертов, Иван Пырьев и другие знаменитости. Все советское кино было для меня дядями и тетями. Варясь в этом обществе, сначала детьми, мы впитывали эти разговоры. А потом, уже взрослыми девушками, естественно наматывали на ус то, что слышали от этих замечательных, великих людей.

– Расскажите, пожалуйста, о ваших учителях в Школе-студии МХАТ.

– Мы учились у стариков МХАТа. Среди них были хорошие педагоги, но были и не такие любимые. Но потом к нам пришел молодой педагог Олег Ефремов и победил, как говорится, наше сознание. Потому что он казался нам одним из нас. Хоть и был старше на семь лет, но этого мы не замечали. Потому что Олег рассказывал нам такие вещи и предъявлял такие требования, о которых другие не имели никакого представления. Не знали ни этих слов, ни этих понятий.

– Вашим дебютным спектаклем были «Двое на качелях» У. Гибсона. Как вы выдержали этот первый в вашей жизни экзамен на зрелость? С какими трудностями столкнулись?

– Я испытывала тогда страх и желание быть понятой. Потому что в это время были очень распространены, так сказать, иероглифы, сложности. Мне все это было неприятно. Хотелось, чтобы сложность возникала из простых, нормальных человеческих проявлений. Мы в пе-

риод репетиций находились втроем – я и двое актеров – в замкнутом пространстве. Больше никого не было. В какой-то момент я так разволновалась именно от желания быть понятой, а не просто понятой, что сказала артистам: «Ждите меня, я сейчас приду!». На улице был лютый мороз. Я накинула на себя пальто и выскочила из театра. Стою на улице, дрожу без шапки от холода в ожидании самого нетеатрального лица. И вот вижу человека с авоськой, в которой лежат апельсины. Сразу поняла, что это не москвич – он прижимал к себе авоську как любимую женщину. Подлетела к нему, вся дрожа, спрашиваю: «Вы не москвич? Откуда вы?» – «Из города Сталина (это Донбасс)!» – «Есть ли у вас немного времени?» Мужчина смотрел на меня, как на сумасшедшую. Я взмолилась: «Прошу вас, пойдите со мной! Вы когда-нибудь были в театре?» – «Нет!» – «Я вам все объясню!» Короче, я заманила его в театр. У нас в это время даже не было декораций – только стол и два стула. Я предложила мужчине сесть. «Мы вам кое-что покажем, а потом зададим несколько вопросов!» – сказала я. Мы сыграли нашему зрителю первую картину будущего спектакля. Он смотрел сначала растерянно, потом с большим увлечением. После первой картины спросили: «Что вы поняли о взаимоотношениях героев?» Задали ему еще несколько вопросов. Наш зритель отвечал, как человек, который впервые оказался в театре. Мы поблагодарили его за то, что он потратил на нас свое время. А мужчина взял свою авоську, пошел к двери, потом повернулся и попросил: «Ну вы мне расскажите, что с ними дальше будет, а то я теперь думать буду!» И я поняла, что мы не зря трудимся...

В рамках «Больших гастролей» состоялась встреча Галины Волчек со зрителями, во время которой она ответила на многочисленные вопросы и призналась в любви к Тбилиси и тбилисцам.

– Я в своем любимом Тбилиси. Город сильно изменился. Я испытываю физическую радость,

«Вишневый сад»

Саид Багов и Валентин Гафт

когда вижу его вечером освещенным. Появились новые здания рядом со стариной. Это производит невероятное впечатление – улыбающиеся лица, доброжелательность! От того дружелюбия, какое мы видели в эти дни особенно от молодых людей, когда ехали по улицам, от добрых слов, желания помочь, ком сжимал мне горло. Ушло огромное число людей, которых я не просто любила, а просто поклонялась им. Это была часть моего сердца, души, и когда мы проезжали по знакомым улицам, праздник для глаз был абсолютный. К примеру, вот здесь жил Ладо Гудиашвили, и я была тут не один раз. Я была знакома с художником, и таких людей в этом городе я знаю очень-очень много. Увидела в эти дни Резо Габриадзе, Гуранду Габуня. Не удалось встретиться с Нани Брегвадзе, Робиком Стурау – их не было в городе... Это те, кому я кланяюсь до земли и продолжаю любить всем сердцем.

Галина Борисовна много вспоминала. Например, о том, как поставила в Германии

«Вишневый сад».

– Это было в Веймаре. Интендант театра два года ждал, когда я приеду, чтобы поставить спектакль. Приезжаю. Он меня встречает и говорит: «Вот сегодня, Галина, вы увидите свою Раневскую!» (Это была актриса Барбара Лотцманн) «Но я должна сначала сама посмотреть, моя это Раневская или ваша!», – отвечаю. В этот день Барбара играла Марию Тюдор. Я смотрю спектакль. Вижу очень хорошую, опытную артистку, которая не имеет никакого отношения к моей Раневской. Моя не умеет стоять обеими ногами на земле, а эта – совсем наоборот. Проходит день-два. Смотрю лругих артисток – никого не вижу. И вдруг замечаю в массовке, где-то в третьем ряду, девочку с большими глазами, тоненькой шейкой. На все живо реагирует, причем – оправданно. Спрашиваю: «А кто она?» «Никто! Массовка!». И я прошу: «Дайте этой девочке – ее звали Сильвия Куземски – пьесу, и пусть она придет ко мне завтра в 12 часов». Девочка приходит,

перепуганная, от страха даже «да» сказать не может. Я делаю вид, что не замечаю этого, и заставляю Куземски читать монолог «Грехи мои...» «Вы читали пьесу?» – «Нет!» В итоге я провела с ней несколько часов. Потом прихожу в театр и объявляю: «Либо эта девочка будет играть Раневскую, либо я уезжаю!» Сильвия была черненькая, но я ее мысленно высветлила – перекрасила волосы, брови, ресницы. После Раневской эта актриса стала в своем театре звездой. А Барбара – прима театра, которая не сыграла Раневскую, выступила у меня в роли Дуняши. Позднее она стала моей подругой.

Много добрых слов Галина Борисовна сказала в адрес театра Грибоедова, ее сотрудников и руководства:

– Николай Свентицкий – уникальный директор. Он настолько любит театр, ценит артистов, что только диву даешься. Хочется ему аплодировать!

ГАФТ, ГАРМАШ

Тбилиским театрам невероятно повезло: в эти дни они соприкоснулись со вселенной под названием Валентин Гафт. А это – не только мощный, умный актер, но и глубокий, ироничный поэт. В обеих ипостасях – личность. В этот вечер, который прошел в зале Свободного театра, прозвучали не только его знаменитые, беспощадные и разящие как острые стрелы, эпиграммы, но и тонкая лирика, философские стихи, поэзия, посвященная тайне творчества. «О, Театр! Чем он так прельщает, В нем умереть иной готов, Как милосердно Бог прощает Артистов, клоунов, шутов. Зачем в святое мы играем, На душу принимая грех, Зачем мы сердце разрываем За деньги, радость, за успех?»... «На сцене Плаха, все фатально, Беда должна была случиться, Я пересек границу Тайны, За это надо расплатиться. Когда придут в разгар Игры Семерка,

Тройка, Туз – не ахай! Невидимые топоры Всегда висят над нашей Плахой». Так актер-поэтотреагировал на травму, полученную им во время спектакля «Плаха».

Зрители с наслаждением услышали в авторском исполнении такие поэтические шедевры, как «Гамлет», «Волк», «Дельфин», «Ветер», «Роза», «Все начиналось с фуэте».

«Хочется разобраться в путях, – признался Валентин Гафт. – Они самые интересные и сложные. Жизнь состоит из очень простых и загадочных явлений».

Вечере принимал участие российский актер, режиссер Саид Багов. На сцене «Современника» идет авторский спектакль С. Багова и В. Гафта «Пока существует пространство» – размышление о смысле жизни. Во время тбилисской встречи Багов сказал о любимом актере: «Воображение, работающее с невероятной силой, творит чудеса».

На вечере прозвучали стихи, посвященные поэтам, актерам, режиссерам – Маяковскому, Высоцкому, Фаине Раневской, Юрию Любимову. Гафт известен и как автор любовной лирики – любители настоящей поэзии оценили его «Мосты»: «Я строю мысленно мосты, Их измерения просты, Я строю их из пустоты, Чтобы идти туда, где Ты. Мостами землю перекрыв, Я так Тебя и не нашел, Открыл глаза, а там... обрыв, Мой путь закончен, я – пришел».

Организаторы вечера напомнили собравшимся экранные создания замечательного актера, обладающего невероятным обаянием и ярким интеллектом.

Вопросы в этот вечер не задавали – просто слушали и наслаждались общением с великим мастером. Вспоминали его Джона Джаспера из телеспектакля «Тайна Эдвина Друда», Воланда из «Мастера и Маргариты», Утешительного из «Игроков», Сатанеева из «Чародеев», Сидорина из «Гара-

жа», Логинова из фильма «Небеса обетованные»...

А его коллега Сергей Гармаш провел в Грузинском университете театра и кино имени Ш. Руставели мастер-класс. Его всепокоряющая актерская харизма на два часа приковала внимание собравшихся в зале учебного театра зрителей. С юмором, очень эмоционально и красочно – так сказать, с нюансами, Сергей Гармаш рассказал о том, как пришел в профессию. Как упорно преодолевал трудности на пути к цели... хотя поначалу даже не мечтал об актерстве – его юношеским стремлением было море.

Сергей Гармаш

Отвечая на многочисленные вопросы зрителей, Гармаш говорил и о своем Лопяхине из «Вишневого сада», которого сравнивали... с Дональдом Трампом. Спектакль в 1997 году сыграли на Бродвее.

– Глобально – мое отношение к Лопяхину не поменялось за те двадцать лет, что мы играем спектакль. У Лопяхина есть такой текст о Раневской: «Помню, когда я был мальчонком лет пятнадцати, отец мой покойный – он тогда здесь на деревне в лавке торговал – ударил меня по лицу кулаком, кровь пошла из носу... Мы тогда вместе пришли зачем-то во двор, и он выпивши был. Любовь Андреевна, как сейчас помню, еще молоденькая, такая худенькая, подвела меня к рукомоинику, вот в этой самой комнате, в

детской. «Не плачь, говорит, мужичок, до свадьбы заживет...» А потом Лопяхин говорит ей самой: «Вы, собственно вы, сделали для меня когда-то так много...!» ... Что же она сделала? И я себе представил, пользуясь тем, чему меня учили, что Раневская повела меня к рукомоинику, помогла умыться, а потом взяла с полки книгу и подарила мне ее со словами: «На, прочитай!» Это стало толчком для того, чтобы я начал чем-то серьезно заниматься и стал в итоге купцом, по-сегодняшнему – бизнесменом. Конечно, какие-то нюансы его отношений с Варей, с

Гаевым, с самой Раневской чуть-чуть меняются со временем, но в целом – нет, мое отношение к Лопяхину не поменялось. «Вишневый сад» мне дорог. Главным для Лопяхина было – настроить дачи для того, чтобы там жили внуки и правнучки, чтобы они увидели добрую, счастливую жизнь. Я любое свое публичное выступление заканчиваю тем, что призываю зрителей верить в то, что наши потомки будут умнее и счастливее нас.

...Расставались с грустью, но и с надеждой на новые встречи! Не зря под шквал зрительских аплодисментов и крики «браво» после спектакля «Вишневый сад» Сергей Гармаш трижды постучал по сцене...

«МЫ ПУСКАЕМ ГИТАРУ ... ПО КРУГУ»

■ Инна БЕРИДЗЕ

В Тбилиси вновь слетелись барды! И на несколько дней Большой и Малый залы Грибоедовского театра заполнили добрые, настоящие, искренние чувства людей, «вооруженных» гитарами. Они делились самым сокровенным, выражали свое отношение к любви, дружбе, родине, памяти, красоте и несовершенству окружающей реальности, размышляли о добре и зле. Очередной, четвертый по счету, Тбилисский международный фестиваль авторской песни в Грузии «Мне есть что спеть» собрал в столице как уже знакомых и полюбившихся публике авторов и исполнителей, так и новых участников. И те, и другие порадовали тбилисцев, которые за прошедший год (в последний раз фестиваль проводился в 2017-м) успели соскучиться по личностной интонации, исповедальности, по откровенному разговору с глазу на глаз, от сердца к сердцу.

В фестивале, посвященном столетию со дня рождения Александра Галича и восьмиде-

сятилетнему юбилею Владимира Высоцкого, приняли участие представители Азербайджана, Армении, Беларуси, Германии, Грузии, Израиля, Казахстана, Литвы, Польши, России, Украины. В рамках этого события прошли три концерта авторской песни и гала-концерт, приуроченный ко Дню Победы. Проект осуществлен Международным культурно-просветительским союзом «Русский клуб» при поддержке фонда «Русский мир».

Из Азербайджана уже не в первый раз приехали двое – лидер бардовского движения этой страны, президент Бакинского клуба авторской песни, режиссер кино, телевидения и массовых постановок **Джавид Имамвердиев**, ратующий в своем творчестве за сохранение духовно-нравственных ценностей, сложившихся в единой некогда стране, и молодой автор и исполнитель **Вафа Мамедова** – она познакомила слушателей со своими работами, с интересной трактовкой известной песни Натальи Кучер «Пустая рюмка».

Армению вновь представил **Вахтанг Арутюнян** – один из основателей Клуба бардов в Ереване, автор и исполнитель, музыкант, поэт, сценарист, актер, кинорежиссер, художник. На его творчество оказал сильное влияние Булат Окуджава.

Из Казахстана прилетел **квартет «Фламинго»** – в его составе: Гульзада Бейсембаева, Галина Корнилова, Инна Урсалова и Дана Барменова. В их репертуаре – классика авторской песни: «Какой большой ветер» – Н. Матвеева, «Мадагаскар» – Ю. Визбор, «Вспомните, ребята!» – В. Берковский, Д. Сухарев, «Снег идет» – Б. Пастернак, С. Никитин, «Распогодилась погода» – Ю. Ким и другие. Этот высокопрофессиональный коллектив – хранитель лучших традиций жанра, каким он сложился в 60-80-е годы XX века.

Из Литвы вновь приехал изысканный шансонье Вигантас Казлаускас. Он представил на литовском языке лирическую зарисовку о прогулке влюбленных по улицам Вильнюса, а также

попурри из знаменитых песен французских шансонье. А потом присоединился к Вафе Мамедовой и Марианне Киракосовой (скрипка, Грузия), исполнивших стильную песню известного барда Людмилы Орагвелидзе «Не говори мне про Париж» на стихи не менее известного тбилисского поэта Владимира Саришвили. Интернациональное трио не могло не понравиться слушателям...

На фестивале был и гость из Польши Антоний Мурацки, переводящий на польский Владимира Высоцкого, Александра Галича, Александра Розенбаума. В прошлом году он принял участие в записи «живого» альбома с концерта «Окуджава, Высоцкий – интерпретации» – в городе Гданьске. Очень эмоционально

Роб Авадиев

польский бард, поэт, композитор и переводчик исполнил песни «Москва-Одесса», «Дорога на Ваганьково»...

От имени России вновь выступали уже полюбившиеся тбилисцам **Александр Ванин** и **Эльмира Галеева**, обладающие яркой индивидуальностью. Романтичный Ванин, песни которого отличаются яркой образностью и живописностью, предложил слушателям интересную интерпретацию стихотворения Бахыта Кенжеева «Не ищи сравнений – они мервы», свои уже

знакомые тбилисцам зарисовки «Если бы я был художником» и «Ангел-хранитель». Вместе с грузинским бардом Гогой Чкония они явили собой еще один замечательный пример творческого союза – дуэтом исполнили антивоенную колыбельную.

Наш старый знакомец – обязательный белорусский бард **Александр Баль** исполнил в этот раз свои шуточные песни.

А Украину представил **Вадим Гефтер** – авторитетная фигура в области авторской песни, пришедший в этот жанр под влиянием творчества Александра Галича. Песни этого барда – его реакция на происходящее в мире и его собственной жизни. Это скорее публицистика, нежели поэзия. Творчеству Вадима Гефтера свойственны социальная сатира и юмор.

Настоящим открытием фестиваля стала российский бард и художник-график **Ольга Чикина** – о ее творчестве, в котором соединяются традиции русского городского романса, фолка, блюза, рока, можно говорить бесконечно. Это огромный, сложный мир фантазии, философских размышлений о мечте и истинном своем предназначении, жизни и смерти, миге человеческой жизни и вечности. Песни Ольги Чикиной – это высокая поэзия, пронизанная горьким оптимизмом. Детскость мировосприятия, открытость всему происходящему – во вселенском масштабе! – сочетается в творчестве Чикиной с мудростью глубоко верующего человека, постигшего самую суть бытия. Вселенная Ольги Чикиной – это неприкаемый художник «Сережа», влюбленная «Летчица», «райские кошки», крылатые «белые волки» и мохнатые слоны. Это «белые облака» и «танцующие сны». Автор часто касается тайны смерти, неизбежности ухода человека в иной мир. В ее поэзии не раз появляется образ великой реки – реки жизни и смерти: «кошачья молитва течет по великой реке, по вечной великой реке»; «Я когда-нибудь стану рекой, вот уж осень летает по нашему странному краю, намекая, как

будто бы скоро я стану рекой. Безвозвратные и золотые, как время само, поплывут ее письма к небесному доброму морю». Как заклинание, в песне «Плот» повторяются слова: «Мы думали, мы никогда не умрем, и мы никогда не умрем...». Еще одна тема – пронзительная тоска по утраченному раю, ностальгия по детству. Об этом песня «Белый сад», завершающаяся такими строками: «И, если спросите меня, за что я жизнь готов отдать, скажу, что жизнь мою отдам за белый сад».

Родные стихи Ольги – вода и воздух, море и небо. Лирический герой многих ее песен – подросток, делающий первые шаги в жизни, плывущий на символическом корабле в будущее. И это непростой путь, полный испытаний, разочарований и потерь. Молодой человек из «Морской» песни «любит плыть себе из прошлого просто вперед и вперед. К белым облакам!» Но человеческая жизнь – лишь недлинный отрезок между двумя точками – рождением и смертью. И как «проплыть» эту единственную жизнь достойно и чисто?

В Тбилиси Ольга Чикина исполнила свои шедевры – «Сережа», «Летчица», «Белый сад», «Слоны» и многие другие, снискав огромную любовь публики.

Автор и исполнитель из Израиля **Давид Новогрудский** говорил о перспективах авторской песни.

– Авторская песня может со временем чуть-чуть видоизменяться, потому что возникают разные ответвления от ее лирического начала. Но она останется, потому что это уникальный способ самовыражения. Это возможность делать поэтическое слово более весомым. Авторская песня – в первую очередь поэзия. А музыка ложится на эту поэзию и делает ее отчетливой, интересной, яркой. Стихотворение, конечно, может существовать само по себе, но когда оно вместе с музыкой, то, во-первых, приобретает более выпуклую форму, а во-вторых, становится более доступной для

Участники фестиваля

широкого круга слушателей. Потому что многие поют, многие хотят что-то слушать. Даже очень хорошие стихи звучат нечасто. У Сергея и Татьяны Никитиных есть песня на стихи Давида Самойлова: «Повремени, певец разлук! Мы скоро разойдемся сами. Не разлучай уста с устами, Не разнимай сплетенных рук». Самойлов написал стихотворение, а когда к этому добавилась музыка Никитиных, получилась прекрасная песня. И она зажила совсем иной жизнью. Потому что ее поют многие. Она передается из уст в уста. И стихотворение, облеченное в музыкальную форму, проникает в твою душу. Авторская песня вечна, потому что всегда будет привязана к хорошей поэзии. А хорошая поэзия вместе с хорошей музыкой рождает третье – авторскую песню.

– Как вы считаете, растущая отчужденность между людьми отражается на потребности человека в исповедальности?

– Конечно, отражается. Средства массовой информации делают нас более отчужденными. Общение приобрело иные формы. Но это не значит, что одна форма отрицает другую. Так или иначе, песня может

обрести новые возможности. Например, сейчас записанный концерт часто транслируют в интернете. Бардовский концерт может стать достоянием многих онлайн. Но все равно интернет-коммуникация не заменит непосредственного общения, духовной близости от сердца к сердцу. Человек не может полноценно существовать без духовной пищи, без любви, дружбы. Это вполне естественные вещи, и их не компенсируют механические способы трансляции. Потребность в непосредственном общении людей друг с другом все равно останется. И жанр останется.

– Авторская песня – сугубо российское явление?

– Спорный вопрос. Многие считают, что это сугубо российское явление. Но я не думаю, что это так. Скажем, я живу в Израиле и иногда слышу там песни, которые очень подходят под жанр авторской песни, несмотря на то, что они не на русском языке и писались не в русской музыкальной традиции. Но если это настоящая поэзия, положенная на хорошую, несложную музыку, которую можно наиграть, словом, если это простая, доходчивая форма, то люди будут такую песню испол-

нять. Хотя она может родиться на другой земле и обрести иные возможности. В жанре авторской песни работает масса исполнителей не в России. К примеру, такие, как американский фолк-певец Пит Сигер, израильский певец Дэвид Броза. У Брозы есть потрясающая песня о женщине. Она замужем много лет, муж постоянно ходит хмурый, чем-то недоволен, брюзжит. Она грустит, ищет какое-то увлечение. И каждый год в один и тот же день эта женщина начинает получать от кого-то букет фиалок. И прячет его, предполагая, что это какой-то тайный поклонник. Но цветы присылает ее муж. История трогает до слез... Я чувствую, что и меня это по-настоящему пробирает. Муж не признается, что это делает он – оставляет у жены чувство неизвестности. И в этом выражение его большой любви. Это авторская песня. Во-первых, в ней есть живое чувство, во-вторых, у нее запоминающийся мотив. В-третьих, это облечено в хорошую поэтическую форму. И, в-четвертых, Дэвид Броза поет песню на иврите. У авторской песни есть разные направления – существует политическая (Галич, Высоцкий) тематика, а есть просто лирика. Кстати, у Пита Сигера есть авторские песни о

тупости чиновников. Но это родилось не в России, а в США.

Горячо приветствовали поклонники авторской песни немецкого мейстерзингера **Тино Айсбреннера**. Он исполнил на немецком языке «Песню о друге» В. Высоцкого, свои сочинения. Невероятная музыкальность и обаяние Тино были вознаграждены бурными овациями.

– 35 лет занимаюсь музыкой, – рассказывает он. – Начинал с рок-музыки. Сейчас у меня три позиции – рок-музыка, бардовская песня и театр. Мне нравится бардовская песня, потому что в ней много интимного. И она очень близка публике. В авторской песне ты можешь выразить тихие, тончайшие чувства и переживания, очень значимые для тебя вещи. Разница между бардовской песней и рок-музыкой – как между сексом и спортом. Люди готовы выслушать твой тихий месседж. Мои истории полны юмора, это маленькие вещи, нюансы, которые объединяют большие моменты. Это тихое прикосновение к чему-то значимому. К примеру, вот одна такая история. Бедный человек попадает в Париж, встречается там прекрасную женщину. Они говорят на разных языках. И в итоге он приходит к парадоксальному выводу: «Если я не понимаю женщину в принципе, то какая разница, на каком языке она говорит?»

Другая сторона моей деятельности – проект «Музыка вместо войны». Я стараюсь найти язык музыки, который объединит страны и народы. Музыка – это всегда лучший способ для взаимопонимания, для мира и дружбы. Уже через три дня мы, музыканты, – вместе, мы – большой коллектив.

Небольшая справка: на фоне обострившейся несколько лет назад политической ситуации в мире Тино Айсбреннеру пришла идея об организации тура «Музыка вместо войны». Начало этому туру положил концерт музыканта в Русском доме науки и культуры в Берлине, который прошел при полном аншлаге в

2016 году. Айсбреннер всеми силами стремится достичь взаимопонимания между народами.

У немецкого певца интересная судьба и свое, особенное место в немецком обществе. Он родился в 1962 году в разгар «холодной» войны. Однако в своем творчестве Тино постоянно обращался к песням русских бардов. В 80-е годы он попытался проанализировать русскую перестройку. В 90-е годы он уже создал музыкальный фестиваль «Музыка вместо войны». В 2002 году активно выступал против войны в Ираке. На демонстрации в Берлине «Против войны в Ираке» его слушали почти миллион человек.

Тема России особенно волнует певца именно сейчас, когда возникло столько сложностей в отношениях между двумя странами. По его словам, он вырос в Восточной Германии, изучал в школе русский язык, знаком с творчеством Пушкина, Толстого, Чайковского... Цель Тино – строить культурные мосты через все границы между Россией, Германией, Украиной, Беларусью, США, Болгарией, Польшей... Преодолеть недоверие между странами и людьми. Объединить людей с помощью музыки, искать и находить ком-

промиссы.

Как всегда, приятным и взаимообогащающим было общение с публикой грузинских бардов. Хрусталь голоса **Ирины Парошиной**, ее неповторимо-личностная, трепетная поэзия, облеченная в столь же трепетную музыку, вызвали отклик в душах слушателей. Она исполнила песни «Санта Анна», «Сакура», «Альтер-эго», «Есть люди, ясные как день», «Не сыпьте сахар в горький кофе».

А Роб Авадяев – большой знаток, многолетний популяризатор и исполнитель авторской песни – умеет так прожить каждую стихотворную строку, что самая сложная поэтическая мысль или музыкальная фраза становятся понятными и близкими. Причем он, как правило, работает с самыми лучшими образцами авторской песни – выступает в качестве исполнителя, а иногда и композитора. В исполнении Роба Авадяева прозвучали: «Одному тирану» (И. Бродский), «Нет, не спрятаюсь мне от великой стены» (О. Мандельштам), «Возвращение на Итаку» (А. Галич).

Тронула меланхолия любовной лирики, неторопливые размышления о жизни актера

Детский ансамбль «Лапреби»

театра имени А.С. Грибоедова Олега Мchedlishvili, монологи о сокровенном Гоги Чкония и Вахтанга Арошидзе.

По традиции 9 Мая барды возложили венки к памятнику неизвестному солдату в Парке Ваке, приняли участие в праздничном концерте – вместе с артистами грузинской эстрады и актерами Грибоедовского театра. На этом вечере состоялась премьера замечательной песни Ники Джинчарадзе «Памяти павших» в исполнении автора, Софи Чалашвили, Деметре Накопия и Григория Папааяна (гитара).

В офисе информационного агентства «Sputnik Грузия» прошла пресс-конференция. Ее участники – Ольга Чикина, Эльмира Галеева и Вахтанг Арошидзе поделились своими впечатлениями о фестивале и стране.

Вахтанг Арошидзе:

– Фестиваль – это большая радость для тех, кто увлечен этим жанром. Благодаря ему мне удалось познакомиться с очень многими интересными людьми. Фестиваль дает возможность представить свое творчество. Его основная прелесть и очарование в том, что многие приезжают к нам не в первый раз, и мы уже друзья.

Ольга Чикина:

– Хочу отметить прекрасный концерт, посвященный 9 Мая. Он был сделан очень профессионально с точки зрения ре-

жиссуры, подбора номеров, по уровню артистов. Моим генеральным чувством была благодарность. Тбилисскую публику даже не с кем сравнить – она такая теплая, отзывчивая, добрая и любвеобильная, что просто слов не подобрать.

Эльмира Галеева:

– Я тоже чувствую восторг и благодарность. Какие чуткие люди были в зале! Чувствовалось, что 9 Мая – это праздник для них. Песни военных лет воспринимались особенно тепло.

Вахтанг Арошидзе:

– В Баку раньше началась традиция фестивалей авторской песни, но наш уже тоже набирает силу.

Ольга Чикина:

– Мы часто пересекаемся на разных фестивалях в России, США, с Эльмирой Галеевой. Я побывала в Германии, Израиле. Страна накладывает отпечаток на фестиваль. Фестивали всюду разные – по численности, по структуре. Бывают с конкурсами и без конкурсов, камерные и многотысячные. Тбилисский фестиваль – это осуществление моей мечты о приезде в Грузию. Я благодарна «Русскому клубу» за то, что это случилось. Чем меня удивил этот фестиваль? Обычно, когда приезжаешь на какой-нибудь фестиваль, то уже знаешь, с кем встретишься, с кем разделишь сцену. А в Тбилиси у меня было много открытий, как у слушателя. И многих я

видела в первый раз! Для меня это тоже огромный подарок.

Эльмира Галеева:

– Фестиваль в Тбилиси – это атмосфера гостеприимства, домашнего тепла. География фестиваля широкая, я открыла для себя Вигантаса Казлаускаса, Антония Мурацки. Это интересное общение и после концерта. С крыши нашей гостиницы открывается прекрасный вид на ночной Тбилиси. Я тоже много лет мечтала оказаться в Грузии. У меня в репертуаре есть песни на стихи поэтов, связанных с этой замечательной страной: Осипа Мандельштама, Арсения Тарковского. Я исполняю песню на стихи Николоза Бараташвили – это стихотворение является магическим ключом к моей душе. Я с этим жила давно. Мне казалось, что я знаю этот город и очень хотела сюда приехать. Я представляла Грузию прекрасной страной, но на деле все оказалось гораздо лучше. На каждом шагу попадались люди удивительные! Они всегда готовы были пойти навстречу, помочь, разделить радость.

Во время пресс-конференции возникла дискуссия о перспективах авторской песни, об истоках ее возникновения.

Ольга Чикина:

– Думаю, авторская песня – это нечто, возникшее на базе русского языка. Нас язык объединяет. Мы его любим, бережем. Поэтический русский язык – это концентрация нашей жизни. Это та точка, которая объединяет нас! Именно поэтому так важны мероприятия, проходящие на русском языке и касающиеся культуры, литературы, музыки.

Эльмира Галеева:

– Авторская песня – это не сугубо российское явление. Такая традиция авторской песни есть, к примеру, и в Греции, и в Португалии, и в других странах. Когда человек поет сердцем, неважно, на каком это языке. К сожалению, в России СМИ

далеки от хороших песен в хорошем исполнении. Засилье пошлой эстрады на телевидении только утомило людей, поэтому они приходят на концерты авторской песни. Эти фестивали для того и существуют, чтобы география авторской песни росла и чтобы люди больше узнавали о ее лучших представителях. Кто-то придет домой после концерта и прочитает стихи вашего прекрасного барда Гоги Чкония... Здорово, когда такие поэты участвуют в фестивалях. У меня мечта, чтобы люди как можно больше узнавали хорошую поэзию и хорошую музыку.

Вахтанг Арошидзе:

– Хочу процитировать великолепного автора, столетию которого посвящен это фестиваль. Александр Галич провел в эмиграции большую часть своей жизни, потому что это русское явление – авторскую песню – в России не приняли, и ему пришлось покинуть страну. Вот его строки: «Мы пускаем гитару, как шапку – по кругу. Кто-то против поет, Кто-то, кажется, за! Пусть слова непонятны Новому другу, Но понятны, понятны, понятны – глаза». Я считаю, что русский язык несомненно накладывает свой отпечаток. Мы не задумываемся над этим, но различия национальные тоже присутствуют. На нашем фестивале часто выступает бард Папа – Зура Закариадзе... Но его Оля Чикина не поймет – он поет на грузинском. Только разве что увидит его глаза. Естественно, желательно фестиваль проводить на понятном для всех языке.

Ольга Чикина:

– В США, к примеру, на фестивалях достаточно разнообразная публика. Это люди, которые давно туда уехали и вырастили там детей. Они приходят на русскоязычные фестивали, но молодое поколение тоже подтягивается. Когда фестивали с конкурсами, дети во всем этом обычно участвуют. Есть фестивали, которые ратуют за чистоту жанра. А она не всем интересна. Чем шире границы жанра на фестивалях,

9 мая. Возложение венков к Могиле Неизвестного солдата в парке Ваке

чем они пронцаемее, тем с большим удовольствием приходят молодые. Каждая страна накладывает свой отпечаток и на людей, на авторскую песню. Особенно если песня написана там. С другой стороны, фестивали авторской песни атмосферно все-таки придерживаются одной традиции, которая родилась 15-20 лет назад. Эта традиция есть, и мы в ней каким-то образом присутствуем, варимся. И пусть это другая страна, но традиция – то, что объединяет. За границей у фестиваля авторской песни еще дополнительная функция: напоминать людям о том, чем мы жили когда-то, что нас объединяло и что для нас не перестало быть ценностью сегодня. Так что тут два полюса: страна накладывает отпечаток, но для людей важно и то, чтобы это было узнаваемо, любимо.

Эльмира Галеева:

– И все-таки те, кто ездит за рубеж, говорят, что авторская песня уходит. Молодежь меньше интересуется – именно дети. Сами эмигранты тревожатся, думают о том, что будет, когда они уйдут. Но потребность говорить о том, что на душе, будет всегда. Через слово, через музыку. Проблемы все равно останутся. Всегда будут петь о любви, о близких, о том, что вокруг, о смысле жизни. Потребность будет – и песня будет. Все обязательно должно строиться на искренности. Зритель приходит на концерты авторской

песни за теплотой, душевностью, эмоциями. Очень многим в жизни этого не хватает. И потребность в искреннем слове, которое попадает прямо в сердце, есть и будет везде.

Ольга Чикина:

– Фестивали исчезнут ровно тогда, когда люди перестанут пользоваться русским языком. Потому что поколения меняются и молодые люди за рубежом ассимилируются. Родители почти не учат своих детей русскому языку. В тот момент, когда русского языка не станет, не будет и фестивалей. Будет что-то другое. Но пока фестивали авторской песни проводятся, слава богу, мы их наблюдаем и с удовольствием в этом участвуем. Но вечным это быть не может – такова жизнь...

Вахтанг Арошидзе:

– Огромное русскоязычное пространство остается. Авторская песня всегда содержала большой элемент протеста, диссидентского настроения, социально-политического звучания. Но это же не значит, что она диссидентская! Раньше протесты были социально-политическими. Произойдет замена, будет какая-то новая волна и возникнет другая причина для неудовлетворенности. Но то, против чего возникает протест, будет меняться в зависимости от того, какова будет жизнь.

Театр Питоевых в Женеве

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Он прославил на весь мир фамилию, уважаемую в Грузии, но не столь известную за ее пределами. Он дал этой фамилии новое окончание, и она громко зазвучала не только в бизнесе и меценатстве, но и на театральных подмостках. Представитель знаменитой тифлисской династии Георгий Питоев изменил семейной традиции предпринимательства и во всех энциклопедиях и справочниках увековечен как Жорж Питоефф, великий русский и французский актер и режиссер-новатор. Кстати, первым познакомивший Францию с пьесами не только Чехова, Толстого, Горького, но и своих европейских современников – Шоу, Ибсена, Пиранделло...

Любовь к искусству была второй частью натуры основателя династии Егора Питоева – после, говоря по-современному, бизнеса. Основав компанию «Питоев и Ко», он зарабатыва-

ет огромный капитал, добывая и перерабатывая нефть, торгуя осетровыми рыбами и икрой. А за крупные поставки продовольствия и обмундирования армии во время Крымской войны удостоивается звания потомственного дворянина. Одним из очень немногих промышленников Российской империи. Об уровне жизни его семьи можно судить по красноречивому свидетельству поэта Анатолия Мариенгофа о жене промышленника Марфе: «Бабушка Жоржа первой в карете приехала из Эривани в Париж. Роскошная армянка была самой интеллигентной дамой в своем отечестве». Да и пять его сыновей после тифлисской гимназии отправляются в Париж, где получают прекрасное образование. Но в родном городе рядом с отцом остаются лишь двое – Исай и Иван. И у обоих в генах любовь к театру.

Первый из них – Исай не

только расширяет после смерти отца его дело, основав торговый дом «И. Е. Питоев и Ко». Женившись на актрисе Ольге Маркс, он создает в своем особняке домашний театральный кружок, в спектаклях которого участвуют до семидесяти человек. И входит в историю культуры Грузии, построив на свои деньги здание Артистического общества (сейчас – театр имени Ш.Руставели). Это обходится ему в фантастическую сумму – полтора миллиона рублей золотом! Вообще же, вклад Исая Питоева в развитие музыки и театра таков, что его называют тифлиским Мамонтовым. А вот у его брата Ивана любовь к театру полностью берет верх над коммерцией и все полагающееся ему отцовское наследство он вкладывает в театральное дело. Так что его сыну Георгию самой судьбой уготована сцена.

Семья Ивана Питоева. Второй слева - Георгий. 1900-е г.г.

Будущий Жорж Питоефф рождается за пару лет до того, как его отец перестает владеть Тифлисским казенным оперным театром. Тот размещался во временном «Летнем театре» после того, как в помещении караван-сарая Тамамшева сгорел предыдущий красавец-театр. Иван Питоев арендует казенный театр, тратит на его перестройку, расширение и переоборудование 750 тысяч рублей золотом! И в 1882 году в газете «Кавказ» можно прочесть: «Такую затрату, сделанную сверх текущих расходов, не делал ни один из тифлиских антрепренеров, а между тем все они получали от казны вспомоществование... Г-н Питоев не только не получает от казны никакой субсидии, но, напротив, сам затрачивает на улучшение казенного театра из собственного кармана... Что заставило г-на Питоева взяться за такое очевидно убыточное предприятие — мы не знаем... ясно, что г-н Питоев взял театр как любитель из любви к делу и... на свою антрепризу не смотрит как на статью дохода».

Питоевская антреприза приглашает лучшие труппы, создается сильный оркестр, а среди заброшенного реквизита сгоревшего театра Иван Егорович находит случайно уцелевший знаменитый занавес. По его за-

казу эта реликвия, созданная князем-художником Григорием Гагариным, реставрируется и украшает обновленную сцену. Неслучайно один из современников создает такое посвящение: «Храму местной Мельпомены! Я желаю перемены,/ Слишком сочных дел.../ Да сценических героев! Пусть мирит Иван Питоев,/ Как Аллах велел!»

Однако детство Георгия проходит уже в те годы, когда его отец, истратив наследство, вынужден вернуть театр городу. Правда, он остается директором-режиссером на жаловании и в этом, и в Новом казенном (сегодня – Оперном) театре. И уж если у него достаточно денег, чтобы подарить приехавшему в Тифлис композитору Петру Чайковскому инкрустированную золотом дирижерскую палочку из слоновой кости, то на образование детей их хватает и подавно. Так что у Георгия практически неограниченные возможности для учебы и выбора профессии. И он не останавливается на чем-то одном.

Еще в гимназии у него проявляются математические способности, поэтому он учится в техническом училище, поступает в Московский университет, а потом переходит в Петербургский институт путей сообщения. Но при всем этом не может жить

без театра: сказывается и общая атмосфера в семье, и то, что он сам участвовал в домашних детских спектаклях. Он и в Тифлисе не пропускает ни одной театральной премьеры, а в Москве, став восторженным поклонником Художественного театра, буквально заболевает сценой. Одно из самых ярких впечатлений, оставшихся на всю жизнь, – Чехов, присутствующий на премьере «Вишневого сада»:

«Это единственный раз, когда я видел Чехова. С сентября 1903 года я не мог найти билета на эту премьеру, объявленную на апрель 1904 года... И даже мой отец, человек театра, не питал никаких надежд попасть на спектакль. Вся артистическая Россия, художники, писатели, музыканты, все высокие правительственные чины уже с сентября имели билеты. Но судьба иногда бывает удивительной. В день премьеры раздался звонок, и мне сообщили, что тяжело заболел друг моих родителей и что я могу воспользоваться его билетом... Итак, я присутствовал на премьере. Я сидел рядом с Горьким, Андреевым, Коровиным. После 3-го акта Антон Чехов вышел на сцену. На следующий день он уезжал лечиться за границу. Все знали, что он обречен... Зал стоя умолял Антона Чехова сесть. Но Чехов продолжал стоять весь час, пока самые блестящие и великие люди России выражали ему свою любовь. Чехов не произнес ни слова. Он улыбался и смотрел на нас своим незабываемым взглядом».

Через год после этого события семья Питоевых переезжает в Париж – в революционной России беспокойно. Георгий – студент юридического факультета Сорбонны, но как забыть о сцене в городе, где зрители ломаются в классический «Комеди Франсез» и театры Андре Антуана, Фирмена Жемье, Орельена Люнье-По, которые в различных творческих стилях откликаются на проблемы современности. Так что вечера будущий адвокат проводит в зрительных залах. А когда его отец в лучших семейных традициях создает Артистический кружок и в Париже, студент не только впервые в жизни

Жорж Питоев

выходит в нем на сцену, но и пробует силы в режиссуре и переводе. Именно в этом кружке его замечает великая актриса Вера Коммиссаржевская, проездом оказавшаяся в Париже. Она убеждает, что юриспруденция и театр – две «противопоказанные ипостаси», что ему надо «оставить все», вернуться в Россию. И Георгий понимает: она права.

По возвращении в 1908-м в Москву, в первую очередь, – сближение с детищем «крестной», Драматическим театром Комиссаржевской. Через него – с поэтами-символистами, художниками русского авангарда и, конечно, с такими мэтрами режиссуры, как Всеволод Мейерхольд, Котэ Марджанишвили, Александр Таиров, Николай Евреинов... Именно Марджанишвили он потом назовет одним из главных своих учителей. Благодаря Комиссаржевской, он проходит еще одну отличную школу – в Передвижном театре, основанном ее сестрой, актрисой Надеждой Сарской и актером-педагогом Павлом Гайдебуровым. С этой труппой он колесит по России, набирая опыт артиста, режиссера, художника-декоратора и даже механика сцены: «Я играл в Москве, Петрограде, по всей России и в Сибири, я играл перед всякой публикой, перед художественной элитой и перед снобами, перед буржуазной публикой и перед публикой народной».

Он впитывает уроки и классической, и авангардной режиссуры, проходит в Германии курс ритмики швейцарца Эмиля Жак-Далькроза об использовании пластических возможностей, врожденной музыкальности человека. И уже четко представляет, каким должен быть его собственный театр. Это первое детище Георгия Питоева появляется в 1912 году в Петербурге под названием «Наш театр». В него привлекаются другие молодые энтузиасты – актеры и режиссеры, он просуществовал лишь один неполный сезон, но успеет за это время представить более двадцати спектаклей – и классику Толстого, Чехова, Мольера, Шекспира и современных авторов, например, Леонида Андреева

и Бернарда Шоу.

Это – театр, который принято именовать авторским. Рука его основателя и руководителя, который сам обязательно выходит на сцену, чувствуется во всем. И в режиссуре, и в декорациях, и в подчеркнутом внимании к литературной основе пьес Георгий ориентируется на творческие открытия русской сцены, в первую очередь, Станиславского и Мейерхольда, но уже явно прослеживается его собственная театральная эстетика – лаконичная и скупая в выразительных средствах. В наше время подобное называют «бедным театром»: минимум сценических эффектов, основное внимание – на актера, использование в разнообразных качествах каждого предмета реквизита.

В то же время «Наш театр» – реалистический, пытающийся осмыслить связь личности с окружающим ее миром. И поэтому Питоев хочет «нести его в народ». Основная сцена театра – в петербургском Доме просветительных учреждений, но он много разъезжает по отдаленным городам и даже деревням. Стараясь по примеру передвижных театров, таких, как у Гайдебурова и Скарской, у француза Фермена Жемье сделать своими зрителями крестьян и небогатых горожан, для которых это первые театральные представления в жизни. Однако первый театр Питоева в России оказывается для него и последним в этой стране. В Париже умирает его мать, он спешит туда и с 1914 года навсегда остается во Франции. А за пару месяцев до начала Первой мировой войны родной Тифлис одаривает его в Париже главной любовью всей его жизни. В «Доме Питоевых», по-прежнему остающемся одним из главных культурных центров французской столицы, он знакомится с восемнадцатилетней мадемуазель де Сманов.

Вообще-то, ее зовут Людмила Сманова, их родители знакомы, она – дочь надворного советника, зрителя Тифлисского казенного театра и бывшей хористки. Солидный чиновник отдает Люду в знаменитое заведение Святой Нины для девушек из состоятельных семей. Когда же Людмила оканчивает этот кавказский аналог петербургского Смольного института благородных девиц, мать тут же увозит ее в Париж – улучшать вокал. После строго расписанной жизни в закрытом учебном заведении – бурлящий водоворот богемного города. Светские вечера, совершенствование в приятных компаниях музыкального образования, европейских языков, танцевальных навыков. И, конечно, театры. Восхищенная ими девушка пытается поступить в драматический класс Парижской кон-

Людмила Питоева

серватории, но на экзамене ей советуют забыть о сцене.

И никогда бы ей не стать прославленной актрисой, если бы Георгий ушел на фронт. Но его не берут в армию из-за плохого зрения, и Людмила встречается с ним в «Доме Питоевых». Это, по ее словам, «счастливая фатальность», у обоих возникает то, что называют любовью с первого взгляда: «Я не знаю, как выразить то озарение, которое он мне принес. Казалось, что он открыл мне новый мир, пробудил к жизни мою душу. Скоро я поняла, что в нем заключено все мое существование. Через год мы обвенчались в православном храме на улице Дарю». Она полностью разделяет отношение мужа к театру, он уже видит в ней актрису, но в Париже творческие поиски неизвестного широкой публике режиссера никому не нужны. Между тем, отец и сестра Георгия переселяются от войны в Швейцарию, туда же отправляются и молодожены. Теперь они уже Жорж и Людмила Питоефф, на французский лад. Так они и остаются в истории театра наравне с другими творческими союзами больших режиссеров и актрис – Всеволода Мейерхольда и Зинаиды Райх, Александра Таирова и Алисы Коонен, Лоуренса Оливье и Вивьен Ли...

В Пленпале, пригороде Женевы, с 1915 года ставятся первые питоевские спектакли вне России. Тем не менее поначалу они на русском языке: представления благотворительные – для русских военных, бежавших из плена в нейтральную страну. Затем труппа переходит на французский язык (пьесы переводят сами Питоевы), много гастролирует по Швейцарии. Она интернациональна – русские, французы, швейцарцы, голландцы, немцы. Людмила дебютирует в ней в 1916-м в пьесе Александра Блока «Балаганчик». Репетируют, шьют костюмы, делают декорации, в основном, в их доме. Популярность труппы растет, и Жорж создает свою

компанию Theatre Pitoeff (Театр Питоефф), которой суждено войти в историю французской культуры.

В ее спектаклях, основанных на русских традициях психологического театра, Жорж использует собственные художественные средства. Оформление и декорации в условной манере, но трактовка литературных текстов реалистична. В 1918 уже появляется пусть небольшая, но собственная сцена. Любую, понравившуюся пьесу он ставит, не думая о доходах. И зачастую провал буквально разоряет его, приходится заново искать средства. Его дочь Анюта вспоминает, как отец даже упал в голодный обморок прямо на сцене, в «Живом труп». Людмила же, несмотря на все трудности, повторяет: «Лишь бы это продолжалось, лишь бы можно было играть!». И муж с ней согласен.

Как и в «Нашем театре», одна поставка следует буквально за другой: за семь лет более семнадцати пьес сорока шести авторов! К произведениям Толстого и Чехова, Андреева и Мольера, Шекспира и Шоу, уже «освоенным» в России, прибавляются и осмысливаются созданные в различных художественных стилях пьесы Максима Горького, Оскара Уайльда, Генрика Ибсена, Мориса Метерлинка, Августа Стриндберга, Станислава Пшибышевского. Такое разнообразие мировоззрений, представленных одной труппой, вызывает возрастающий интерес и у французского зрителя, перед которым Theatre Pitoeff регулярно гастролирует с 1919 года. В итоге спустя семь лет после своего основания, детище Жоржа «получает постоянную прописку» в столице Франции – по приглашению известного антрепренера, владельца Театра Елисейских полей Жака Эберто.

Пабло Пикассо. Портрет Людмилы Питоевой

«Картель четырех». Слева лежит Г. Питоев

С 1 февраля 1922 года в одном из трех помещений этого театра – Комеди де Шанз-Элизе – безраздельно царят Питоевы. Именно так: он и она. Ведь Людмила сыграла почти в каждом из более сотни спектаклей, поставленных ее мужем. Ее рисовал Пабло Пикассо, театральные костюмы ей шила Коко Шанель, с ней дружил Игорь Стравинский... Послушаем их друга, одного их крупнейших французских писателей XX века Жана Кокто: «Георгий – это сама душа, облеченная в плоть, и сей костюм, надетый наспех, так плохо защищал душу, что она отовсюду светилась. Людмила – это принявшее облик женщины дуновение, нечто неуловимое...». Несмотря на отличное владение французским языком, супруги – уроженцы Тифлиса говорят на нем с заметным акцентом. Но это вовсе не мешает их популярности. Более того, они привносят в парижскую театральную жизнь колорит своей родины. В Грузии, как и других знаменитых людей, любимых актеров не называют по фамилиям, каждый знает, что Верико и Софиго – это Анджапаридзе и Чиатурели, Эроси – Манджгаладзе, Буба – Кикабидзе... Вот и чета Питоефф сразу становится для парижан просто Жоржем и Людмилой. Достаточно появиться эти именам на афишах, в газетных заголовках – и для театралов уже излишни фамилии.

Три года весь Париж ходит к Питоевым, зачастую дающим по четыре премьеры в месяц. Но какой ценой! Весь день проведя в театре, Жорж по ночам переводит пьесы и рисует эскизы декораций. «...Питоев всегда отдавался целиком, телом, душой, нервами, кровью. Это не было ни искусством, ни театром, это была жизнь...», – вспоминал актер Антонен Арно. Сам Жорж этот период называет «битвой без отдыха, день за днем, от одной пьесы к другой». Объяснение? «Театр должен ставить как можно больше пьес. Это необходимо не только авторам, это необходимо для роста актера и режиссера. Иначе... актеры с режиссером в некотором роде закосневают». Результат? С конца 1920-х его все чаще беспокоят боли в сердце. Хотя спиртного он не пьет, ни одной любовной связи, равнодушен к светским «тусовкам», еде и одежде. Друзья вспоминали, что его квартира «произ-

водила впечатление временного жилища, более временного, чем их общая театральная уборная». Его самое нелюбимое время – отдых на природе: «Мне не надо видеть ни деревьев, ни гор... Все это есть во мне и гораздо красивее, чем в действительности». Может, сравним с современными театральными звездами?

Потом Питоевы перебираются в помещения других театров, в том числе и в «Матюрен», прославившийся благодаря им. Но и там продолжается то, что Жорж называет «битвой без отдыха, день за днем, от одной пьесы к другой». А Кокто далек от батальных сравнений: «С поистине жреческой самоотверженностью, отдавшись служению театра, он открыл подлинный смысл театра, его духовность и предназначение, которое сродни религиозному

Георгий и Людмила с детьми

культу. Это был святой театра...». Но ох, как нелегко живется святому на грешной земле! Вот признание, сделанное незадолго до смерти: «В случае неуспеха я должен был думать о новом спектакле, ставить его в спешке и в страхе. Перед финансовыми проблемами, которые возникали каждый день, я терял голову, заболел. В случае успеха бывало еще хуже. После 50 представлений повторение одних и тех же сцен, слов, жестов каждый вечер вызывало у меня непреодолимую неприязнь».

Супруги «все пропускают через себя», а такое даром не проходит. Уже не обращая внимания на собственную болезнь, Жорж борется за душевное здоровье жены, которая ищет уединения, отвернувшись от реальной жизни после того, как она сыграла Жанну д'Арк в пьесе Шоу. Близкие называют это «мистические кризисы». Людмила то уходит из театра, то возвращается, отказывается от своих успешных ролей, называя их «адам». И несколько лет ее муж стоически переносит все это, стараясь вернуть жену к реальности. Он берет на себя все дела по дому, заботу о семи детях, родителях Людмилы и своем отце. В театре доходы уже далеко не те: без участия Людмилы публика неохотно идет даже на пьесы, всегда пользовавшиеся успехом. В труппе начинаются панические настроения.

Но если друзья называют все это «болезнью

Супруги Питоевы в «Ромео и Джульетте»

заблудившихся гениев, которые находят опору лишь в святости своего искусства», то и чудодейственное лекарство обнаруживается в этом же искусстве – в театре! Жорж объявляет о постановке «Трех сестер» – любимый Чехов всегда помогает ему в трудные минуты. Так происходит и на этот раз, пьеса имеет огромный успех, и появившиеся деньги позволяют ставить новые спектакли. Один из них, ибсеновский «Кукольный дом», излечивает Людмилу – главная героиня Нора входит в ее жизнь поддержкой, в противовес Жанне д'Арк, нарушившей душевное равновесие. Она вновь начинает играть героинь, верящих в лучшее будущее.

А о масштабе авторитета Питоева в театральном мире свидетельствует «Картель четырех» – уникальное творческое объединение, сыгравшее огромную роль в развитии театрального искусства Франции прошлого века. В него входят театры «Атений» Луи Жуве, «Монпарнас» Гастона Бати, питоевский «Матюрен», «Ателье» Шарля Дюллена. И все эти режиссеры единогласно заявляют о Жорже: «Из всех нас гением обладает он». Питоев вносит огромный вклад в выполнение задач «Картели»: представить все жанры мировой драматургии, переосмысливать классику в «лабораториях драматургических опытов», сплотить лучшие актерские силы. Ему по душе основной принцип «Картели»: «Жизнь на сцене должна быть более выразительной, чем сама реальность».

Да и без оглядки на цели «Картели», он ищет особое решение каждой пьесы, ориентируется на самобытность автора, не признавая никаких «универсальных» систем и методик. И еще «выращивает» драматургов, в числе которых такие знаковые фигуры, как Кокто и Жан Ануи. Он постоянно повторяет, что хотел бы иметь несколько театров, ведь надо поставить еще столько пьес!». А на сцене этот актер с нетипичными данными – бледным длинным лицом, глубоким взглядом и глухим голосом – полностью завораживает зал. По словам Кокто, «его далекий голос был тишиной наизнанку...». А это – уже о чете Питоевых: «Они жили в тени. В тени снов, любви к своим детям и к театру. Если

они покидали эту тень, они бросались к огням рампы с безумной неосторожностью ночных бабочек. Они сгорали там, один и другая».

Жорж Питоев сгорел 17 сентября 1939 года в Женеве, ставя в последние годы жизни по пять спектаклей за сезон. В антрактах дочь делала ему массаж. Потом был инфаркт, но... «Во время болезни я работал над постановками столько пьес, что их хватит на несколько лет». Этих лет уже не было. Но за полтора года, прошедших от инфаркта до смерти он успевает поставить еще четыре пьесы и пятнадцать раз выйти на сцену в своей последней постановке «Враг народа» Ибсена. Вот его последний день в описании жены: «За четверть часа до смерти он сказал мне: «Сегодня день моего рождения и сегодня я умру». Было воскресенье, ему только что исполнилось 53 года». Он знал, что семья нуждается, и последние его слова были: «Людмила, осталось всего 1500 франков...».

В годы войны Людмила преподает и играет в Канаде, вернувшись во Францию, возобновляет постановки мужа, роли которого играет их сын Саша. Но финансовые дела не поправляются, приходится давать изнурительные гастроли, из-за которых в 1951-м сгорает и она. На кладбище Cenhod под Женевой они лежат рядом – единственные

Театр «Матюрен» с мемориальной доской Питоевых

драматические актеры из России, оставшиеся в истории французского театра. Их именем назван театр в Женеве, их имена на мемориальной доске на парижском театре «Матюрен».

А о родине Георгий Питоев не забывал никогда. Вот его слова об отце и матери, которых он боготворил: «Родители мои выросли в удивительном климате дружества и родства тех, кто жил на грузинской земле, родился, трудился или нашел здесь приют, будь то русские, армяне, евреи». Этот удивительный климат определил и всю его жизнь.

Марианна Мхитарян

АКТРИСА, ДИРЕКТОР, КУЛИНАР И КРЕСТНАЯ МАМА

■ **Нина ШАДУРИ**

Когда-то, если вечер выдавался дождливым, заправские конференсье начинали свои выступления с незатейливой шутки: «На улице идет дождь, а у нас идет концерт». Как ни удивительно, но старая реприза неожиданно пришлось кстати.

В конце апреля – начале мая в Армении свершалась своего рода «бархатная революция». Ереван бурлил, на центральную площадь вышли тысячи горожан. Это и был «дождь». А вот и «концерт» – в эти же самые дни в Ереване проходил XVI Международный фестиваль моноспектаклей «Арммоно». И каждый из спектаклей-участников, несмотря ни на что, собирал свою публику. И хотя, в силу понятных обстоятельств, зрителей собиралось не очень много, но зато все они были истинными театрами – понимающими, тонкими и благодарными.

Оцените масштаб и ритм фестиваля – 10 стран, 50 участников и почетных гостей, 22 спектакля за пять дней.

Особое место в афише «Арммоно» занял моноспектакль Ирины Мегвинетуцеси «Желтый ангел» в постановке Автандила Варсимашвили – он завершал фестивальную программу. Тбилисский государственный академический русский драматический театр им. А.С. Грибоедова поставил в финале запоминающуюся точку, и исполнительница главной и единственной роли заслуженно получила диплом и специальный приз «Арммоно».

Как ни удивительно, но работой фестиваля вот уже несколько лет руководит женская рука. Его возглавляет известная актриса Марианна Мхитарян. К нашей радости, директор «Арммоно» выкроила в своем напряженном графике немного времени, чтобы побеседовать с «Русским клубом». Правда, разговор почти поминутно прерывался телефонными звонками – Марианна договаривалась о покупке кирпичей для оформления очередного фестивального спектакля, согласовывала график передви-

жения участников, отвечала на звонки журналистов и так без конца.

– Как вам удалось так четко, без единой накладки, организовать фестивальный процесс, тем более в такие непростые для страны дни?

– Прежде всего, я работала не одна. У нас сплоченная команда – это главный координатор фестиваля Лилит Мнацаканян, руководитель отдела по связям с общественностью и прессой Влад Мурадян и я. Я не делаю ничего, не посоветовавшись с ними. Кстати, любой журналист, который хочет взять у меня интервью, согласовывает этот вопрос с Владом. Вы – исключение.

– Спасибо, нашему журналу повезло.

– Наша команда – это ядро, которое держит фестиваль. Хотя, случается, что мы с коллегами расходимся во мнениях по поводу спектаклей или актеров.

– В чем причина того, что фестивалю уже 16 лет, и с каждым годом он только набирает силу?

– Мы делаем этот фестиваль для нашей страны, нашего зрителя и наших актеров. Сколько молодых актеров хотят делать и делают моноспектакли! Именно поэтому мы начали проводить ежегодный театральный фестиваль «Арммоно Plus» – это своего рода трамплин для молодых и талантливых деятелей театрального искусства. На этом фестивале мы отбираем спектакли для «Арммоно». Год от года уровень армянских спектаклей повышается. Бывает, что театры подают заявку, но к участию не допускаются, поскольку не соответствуют той высокой планке, которая уже есть у «Арммоно». Вообще, я хочу отметить, что камерный жанр становится все более и более актуальным.

– Почему?

– Прежде всего, потому, что он более мобильный. Кроме того, именно жанр моно дает молодому актеру возможность понять, может ли он держать зал.

– **«Арммоно» основал Акоп Казанчян, который сейчас возглавляет Союз театральных деятелей Армении, а через десять лет передал фестиваль вам. Почему вы согласились взвалить на себя эту ношу?**

– Открою вам большой секрет – раньше я терпеть не могла жанр моно и как зритель, и как актриса. Но в моем случае фраза «никогда не говори никогда» нашла подтверждение... Если честно, то, видимо, я с молоком матери впитала в себя увлеченность театральным делом. Может быть, звучит несколько высокопарно, но это именно так. Моя мама, Маргарита Викторовна Яхонтова, была знаменитым театроведом. А еще – художественным руководителем театра «Дружба», был такой в Армении в советское время.

– **В Тбилиси тоже.**

– Когда Акоп предложил мне возглавить «Арммоно», мне стало интересно попробовать. Кроме того, я люблю переключаться и всегда говорю, что даже стиральная машина, которая долго работает в одном режиме, выходит из строя. Переключение с одной деятельности на другую для меня очень важно. Поэтому в моей жизни есть и театр, и кино, и фестиваль «Арммоно». Помню, случались такие моменты, когда я должна была быть в четырех местах одновременно. Это было чудовищно. Постепенно «бурь порыв мятежный развеял прежние мечты», и доленое участие фестиваля в моей жизни стало больше. Соответственно, и роль директора фестиваля стала для меня значимой. К тому же, я люблю актеров – и каждого в отдельности, и всех вместе, и по-настоящему ра-

дуюсь их удачам и победам. Да, я помогаю им создавать их спектакли, завоевывать свой успех, и очень счастлива. Нарек Багдасарян, который показал на фестивале свой спектакль «Гамлет Machine», получая ежегодную национальную театральную премию Армении «Артавазд» как лучший молодой актер года, в своей «оскароносной» речи сказал, что благодарен своей крестной матери, то есть, мне. И это прозвище так за мной и закрепилось – крестная мама.

– **Это один из самых высоких титулов, которые только можно получить в жизни.**

– Да, это так.

– **В программе фестиваля присутствовал некий спектакль, который вам не очень по душе. Но он все-таки был показан...**

– Дело в том, что «Арммоно» из фестиваля превращается в фестиваль-театр, и каждый год мы представляем наши проекты. Уже поставлены и показаны спектакли «О Ромео и Джульетте... только звали их Маргарита и Абульфаз» Елены Дундич, «Моя семья в моем чемодане» Наринэ Григорян, совместный испано-португальский проект «Параджанов: праздник жизни» в исполнении Серхио Ново и испано-аргентинско-чилийский проект «Сердце Антигоны» Марии Видал. Я сде-

лала все, чтобы спектакль, о котором вы спрашиваете, был показан в скорректированном виде. Поскольку тот вариант, который был заявлен, в моем понимании – неприемлем.

– **Каково, на ваш взгляд, главное назначение фестиваля – творческое или миротворческое?**

– В наше время эти два значения переплетены и равновелики. Мир так быстро меняется! Мы еле успеваем за изменениями. Я не удивлюсь, если десять лет спустя, сидя на этом месте, я буду вам рассказывать о спектакле, который на нашем фестивале исполнит не актер, а искусственный интеллект.

– **Какое место в вашей жизни сейчас занимает актерство?**

– Я снимаюсь в сериалах. Это необходимо, поскольку поддерживает актерский тонус. Новых ролей в театре на данном этапе у меня нет. Из текущего репертуара – Стелла в «Трамвае «Желание» Теннесси Уильямса и сестра Розалия в спектакле «Из-за чести» по пьесе нашего классика Александра Ширванзаде.

– **Как я поняла, ваш театральный ген – от мамы. А папа внес свой вклад в это дело?**

– Нет, он всю свою жизнь

Фрагмент спектакля «Ангелова кукла» с участием Ирины Мегвинетухуси

На вручении награды фестиваля

работал и сейчас работает на телевидении. В свое время я поступила в театральный институт на отделение режиссуры, но на первом же курсе решила стать адвокатом и собралась переходить на юридический. Даже сдала разницу предметов. Думаю, что адвокат так во мне и «сидит». И помогает мне жить.

– Исчезновение театра предрекают уже много лет. Почему он не умирает? В чем его феномен?

– В душе. Мир роботизирован. А театр, так же, как и храм, остается тем местом, где мы открываем свою душу, где наши помыслы приходят в равновесие с космосом, с природой. И это – гарантия того, что тот самый искусственный интеллект, роботы не завладеют всем миром, и человечность в нас останется жива.

– Спектакли – рисунки на песке. Какие остались в вашей памяти навсегда?

– Каждый зритель – создатель своего спектакля. Сегодня на спектакле «Эдит Пиаф» в зале на 80 мест присутствовало 160 зрителей. И это значит, что сегодня было показано 160 спектаклей «Эдит Пиаф». Каждый воспринимает и впитывает то, что ему близко, что он хочет,

что ему нужно в этот момент. Так что «золотого запаса» спектаклей в моей памяти нет.

– Как складывается ваш обычный день?

– У меня нет обычных дней. Я благодарна создателю, который пишет сценарий моей жизни. Он пишет его очень ярко.

– Спрошу цитатой из американского кино – ваше

голову не пришло сравнивать меня с родителями или вообще вспоминать, чья я дочь. А так – мне все время приходилось слышать: «Это дочка Риты и Артема». Очень долго мне было тяжело. В институте я сдавала все экзамены на «отлично» и получила красный диплом во многом для того, чтобы у меня не было бэкграунда «дочки». Если у меня что-то получалось, то долгие годы это приписыва-

Сцены из спектаклей «Эдит Пиаф», «Гамлет-машина», «Моя семья в моем чемодане»

сердце открыто для стрелы?

– Я несколько раз была замужем. И думаю, что буду еще. Сейчас я живу с папой и собакой – кокер-спаниелем Сандрой. Обожаю готовить. Люблю, когда приходят гости, едят и говорят – как вкусно! От мамы у нас осталась традиция устраивать праздник 25 декабря. В этот день я готовлю особые блюда – раков с грибами, баклажаны с черносливом и говядиной, сациви по бабушкиному рецепту... В прошлом году, честно говоря, решила ничего не устраивать. Но друзья начали звонить заранее: когда собираемся – 24-го или 25 декабря? И я поняла, что деваться некуда.

– А ваш характер от мамы или от папы?

– Если бы я стала юристом, как собиралась, никому бы и в

лось не моим способностям, а возможностям мамы... При чем у этого была и обратная сторона. Не все ведь хорошо относились к маме! И как было проще всего ей насолить? Насолив ее единственной дочери. Да, всякое бывало. Все было сложно.

– Вы представляете свою жизнь вне Армении?

– У моей мамы мама была армянка, отец – русский. Кстати, у мамы в Грузии корни – ее дед служил городским головой Ахалциха. Папина мама – русская, отец – армянин. Был период, когда многие уезжали, и у меня тоже была такая возможность. Но я выбрала Армению. Это мой выбор. И с годами я все больше становлюсь армянкой. Хотя бы уже потому, что слова любви говорю по-армянски.

САМОБЫТНОСТЬ МУЗЫКАЛЬНОГО ЯЗЫКА (К 70-летию композитора)

■ Мария КИРАКОСОВА

Рубен Кажилоти представитель среднего поколения современной музыкальной культуры прошел становление творческого пути в Тбилиси, где в достаточно молодом возрасте стал признанным композитором. В дальнейшем творческий путь он связал с Израилем, где проживает до настоящего времени. Исследователь музыки Рубена Кажилоти – израильский музыковед Георгий Табатадзе. В беседе с композитором вопросы чередуются с выдержками из статьи музыковеда.

«Творчество Рубена Кажилоти давно уже стало неотъемлемой частью современной израильской музыкальной культуры. Доктор Бар Иланского университета, лауреат премии премьер-министра Израиля 2000-го года, член правления Союза композиторов Израиля с 1992-го года, за неполные 20 лет пребывания в стране, он, внес существенный вклад в ее музыкальную жизнь.

Музыка Кажилоти питается истоками двух музыкальных культур: народно-традиционное грузинское музыкальное творчество и синагогальное

пение грузинских евреев. Их слияние с современными композиторскими технологиями – основа самобытности его музыкального языка».

– **Главное впечатление от первого знакомства с тобой, недавним выпускником консерватории, была всесторонняя образованность, явно опережающая возраст. Литература, поэзия, философия, театральная драматургия, кино – во всем твердый взгляд, независимость суждений. С чего началась твоя композиторская биография?**

– Еще будучи студентом первого музучилища, я сблизился со своими педагогами – Ираклием Геджадзе по композиции, Нодаром Мамисашвили по полифонии. Благодаря Нодару Левановичу, человеку энциклопедической образованности, неутомимому пропагандисту новейших течений современной музыки, я стал посещать созданную им при Союзе композиторов Грузии секцию авангардной музыки «Музыкальные пятницы». Они собирали элиту грузинской интеллигенции – не только художественной, но и технической.

Рубен Кажилоти

Считая Н.Л. Мамисашвили своим главным наставником, я никогда не исполнял новых произведений, не заручившись его одобрением. Мамисашвили, ученик Андрея Баланчивадзе, порекомендовал меня великому маэстро, по классу которого я и окончил консерваторию.

– **Что было представлено в качестве дипломной работы?**

– Темой дипломной работы стала предложенная профессором Иосифом Курчишвили народная хевсурская баллада V века «Юноша и барс» из сборника грузинской народной поэзии Вахтанга Котетишвили. Потрясенный шедеврами этого сборника, я включил несколько из них в дипломную работу – вокально-симфоническую поэму в 3-х частях (1972).

– **Этот период отражает удивительное жанровое разнообразие. Откуда, к примеру, такое свободное владение техникой хоровой партитуры?**

На вручении диплома

– На третьем курсе я и мои однокурсники – композиторы Валерий Схиртладзе, Иосиф Барданашвили, Тенгиз Шавлохашвили, музыковеды Марина Кавтаврадзе и Жужуна Ахобадзе создали вокальный ансамбль «Нанав-да». Он стал нашей творческой лабораторией. Для него я написал Четыре парафраза на темы грузинских народных песен («Нанав-да», «Чагуна», «Сисатура», «Цангала»), «Вариации на тему пассакалии Генделя».

«Последующий период свидетельствует об интенсивных поисках в разнообразных жанрах. Струнные квартеты, хоровые миниатюры, оркестрово-хоровые и камерно-вокальные сочинения, музыка к драматическим спектаклям и кино представили расширение профессионального диапазона. Большой успех у слушателей имели Первый (1973), Второй (1975) памяти Д. Шостаковича) и Третий (1980) струнные квартеты, которые неоднократно исполнялись Государственным

струнным квартетом Грузии и многими другими известными коллективами.

В 1974 году в Москве был исполнен вокальный цикл «На разные случаи жизни» для драматического сопрано и фортепиано (солистка Галина Запрудная) на стихи Андрея Вознесенского».

– К этому времени Рубен начал работать на теоретическом отделении Руставского музыкального училища как преподаватель композиции, инструментовки и чтения партитур. С его приходом открылся класс композиции. Руководителем теоретического отделения и композиции стала прославившаяся организаторскими способностями и умением реализации смелых творческих замыслов Изольда Степанова. Ее начинания всячески поощрялось директором училища, замечательным подвижником грузинской музыкальной культуры Анзором Эркомаишвили и сменившим его позднее Таризлом Берадзе.

Рубен прекрасно исполнял свои сочинения, охотно демонстрировал новые опусы, и в Союзе композиторов Грузии появлялся в сопровождении большой свиты руставских почитателей. Памятна премьера вокального цикла на стихи Андрея Вознесенского «На разные случаи жизни». До этого русской поэзии Кажилоти коснулся лишь раз – в искрометной песне «Сыграй, тальяночка, малиновы меха» на слова Есенина.

– Помнишь, Рубен, как блестяще исполнила цикл на стихи А. Вознесенского Галя Запрудная?

– Несколько исполнительниц пели этот цикл, но в интерпретации Запрудной он прозвучал очень женственно и лирично.

Цикл «На разные случаи жизни» весной того же года прозвучал на республиканском конкурсе музыкальных училищ. Было немало интересных выступлений, но когда за роялем оказался Рубен и его вокальный цикл пронесся над залом, вол-

ная пронзительностью интонационного строя и артистически преподнесенным, скрупулезным анализом музыки, победительницей конкурса единодушно была признана ученица III-го курса Руставского училища Люда Бравкова.

– Расскажи, как отреагировал автор стихов на композиторский замысел?

– Поводом к сочинению стал сборник стихов Андрея Вознесенского «Взгляд», на который мне указала ты. Особенно запомнились 7 стихов. В некоторых из них я изменил названия, заостряя внимание на символике. Так, седьмой номер, в оригинале «Правила поведения за столом», у меня идет как «Не трожьте музыку руками», – ответ на промелькнувшую в прессе возмутительную критику 14-ой симфонии Шостаковича. В Тбилиси вокальный цикл был издан, а в Москве задержали «из-за идеологически невыдержанного текста». И сам Вознесенский как будто испугался музыкальной транскрипции стихов. Но известный пианист-авангардист Алексей Любимов нашел произведение «весьма симпатичным» и рекомендовал его оркестровать.

– Напомню, что прославленный исследователь русского романса В.А. Васина-Гроссман, будучи в Тбилиси на заседании теоретического отделения руставского музучилища, дала музыке цикла высокую оценку.

«В 1976 году в Москве под редакцией выдающегося альтиста современности Юрия Башмета выходит соната для солирующего альтя. В ней еще раз проявился интерес композитора к древнейшим пластам грузинского народно-песенного фольклора. В 1999 году в Израиле выпустили пластинку с записью этой сонаты, а затем в скрипичной версии она вошла в репертуар известного скрипача Нитая Цори.

Дань принес композитор и театральной музыке. Свидетельство тому – превосходная

музыка к трагедии Шекспира «Гамлет», поставленной на сцене Руставского драматического театра».

– Расскажи о работе над этим спектаклем и общении с Отаром Мегвинетухуцеси.

– За две недели до премьеры Мегвинетухуцеси пожаловался, что перестал ощущать кульминацию образа. Я предложил выразить душевное состояние героя через танец, что Отар категорически отверг. Но хореограф Юрий Зарецкий вдруг заявил, что разбираемый эпизод следует поставить именно так. Эта идея нашла горячее сочувствие у зрителей. И, начиная от сдачи спектакля до его последнего дня, выход артиста в сцене «мышеловки» сопровождался взрывом оваций.

«Сценическая направленность творчества Кажилоти продолжается в ставшем популярным мюзикле «Всадник без головы» по роману Майн Рида на либретто в стихах Петре Грузинского. В Тбилиси он был поставлен в 1976 году».

– Тебя связывали годы работы с замечательным хором девушек Руставского музучилища и его создателем, безвременно ушедшем из жизни Темури Джанелидзе.

– Сотрудничество и дружба с этим музыкантом стали для меня второй творческой лабораторией после «Нанавды». В этом союзе мной были написаны Три миниатюры для детского хора а капелла, позднее Три хоровые картины на стихи Мухрана Мачавариани для женского хора.

В 1978 году созданная к 100-летию со дня рождения Ильи Чавчавадзе хоровая картина «Циурни хмеби» («Голоса небес»), блистательно исполненная хором Т. Джанелидзе, получила премию министерства культуры Грузии.

– У тебя было плодотворное сотрудничество Отаром

Погосовым.

– В 1980 году при Школе искусств г. Рустави Отар Погосов – талантливый музыкант, хормейстер, незаурядный преподаватель музыкально-теоретических дисциплин и его супруга, замечательный руководитель и организатор Лиана Мгалоблишвили создали Детский музыкальный театр. Мне была заказана на либретто Отара Погосова опера по мотивам сказки Важа Пшавела «Полуцыпленок». Эта первая детская рок-опера была поставлена в сотрудничестве с художником Михаилом Чавчавадзе и хореографом Наной Чиквиладзе. Выбор каждой роли проходил при тщательном конкурсном отборе. В результате получился высокопрофессиональный коллектив детей-исполнителей, способный откликаться на самые сложные требования. Премьера оперы состоялась в Тбилиси в 1987 г. во время съезда Союза композиторов был снят телефильм. А в 1990 г. на Международном фестивале в Варшаве опера была признана лучшим сочинением для детского музыкального театра. В 2007 г. состоялось празднование 60-летия руставской Школы искусств. С большим волнением воспринял я участие в опере одновременно трех поколений исполнителей как свидетельство двадцатилетия сценической жизни моего детища.

«В 1981 году завершается работа над самым главным произведением этого периода – монументальной Симфонией-триптихом для баритона и большого симфонического оркестра на стихи Мухрана Мачавариани. Это первое крупномасштабное сочинение в данном жанре, отмеченное глубоким психологизмом и напряженным драматическим развитием. Симфония была исполнена на пленуме Союза композиторов Грузии оркестром под управлением Джансуга Кахидзе. Она неоднократно звучала в исполнении ведущих симфонических оркестров СССР, а в 1983 году была

удостоена Первой премии на Всесоюзном конкурсе молодых композиторов в Горьком».

– Кто был исполнителем вокальной партии?

– Мухран Мачавариани эмоционально отреагировал на симфонию: «В моих стихах ты нашел такую глубину и философию, о которой я и не подозревал!». Солистами симфонии в разное время были Н. Надибаидзе, О. Кунчулия.

– Мне хотелось бы вспомнить эпизод, связанный со Второй симфонией.

– Она была завершена в Доме творчества Союза композиторов СССР в Иваново, на даче С. Прокофьева. Во время прослушивания симфонии на творческом отчете в Москве в кабинет Т. Хренникова вошел Арам Хачатурян. Перелистав партитуру, и, по-видимому, заинтересовавшись ею, он произнес: «В знак признания таланта моего грузинского коллеги, я приглашаю его сегодня в Большой театр на 200-й спектакль

У памятника П. И. Чайковскому

После репетиции

моего «Спартака». В тот же вечер, почти не дыша, я сидел в 6-м ряду с великим маэстро, слушая его музыку.

«С 1992 года начинается израильский период творчества композитора. Переехав сюда на постоянное место жительства, Кажилоти активно включается в музыкальную жизнь страны. В 1994 поступает в университет Бар-Илан по специальности композиции (класс профессора Андрэ Гайда, ученика О. Мессиаана) и этномузыкологии к молодому профессору Эдвину Сарусси, следуя цели собирания, восстановления и исследования забытых песнопений и молитв грузинских евреев. Тема первой части докторской диссертации Рубена «Псалмодия среди грузинских евреев». В процессе анализа, расшифровки и реставрации этого уникального музыкального материала удалось собрать записанные патриархом грузинской этномузыкологии Гр. Чхиквадзе молитвы с 1935 года и до наших дней. На этой интонационной базе удалось создать свою,

ставшую ладовой основой четвертой симфонии (Концертанта). В 2000-м году Р. Кажилоти была присуждена премия Премьер-министра Израиля. В день награждения состоялась премьера симфонии в исполнении Раананского Большого симфонического оркестра под управлением Юваля Церлюка и двух блестящих солистов братьев Нитая и Хилель Цори, которым и посвящена симфония.

По совместной инициативе правительств Э. Шеварднадзе и И. Баракав в честь двух премированных воспитанников Тбилисской консерватории были организованы Дни культуры Израиля в Грузии, в рамках которых состоялись авторские концерты Р. Кажилоти и И. Барданашвили при участии Государственного оркестра Грузии под управлением Дж. Кахидзе.

В 2008 г. в рамках Фестиваля израильской музыки в Иерусалиме эта симфония с блеском была исполнена оркестром под руководством Стенли Спербера.

В 2003 году, в Тель-Авиве, в концертном зале Бейт Ариэла, состоялась первое исполнение «Монолога» на слова Генриха Гейне (в переводе Гилы Уриэль) с участием Михаила Гайсинского (баритон) и Филиппа Лурье (фортепиано). Задача музыкального воплощения стихотворного шедевра немецкой лирики XIX века обусловила необходимость применения специфических художественных средств.

Спустя год в концертном зале Музеон Тель-Авив, Кажилоти познакомил публику с еще одним новым сочинением для камерного ансамбля «Концертштюк» памяти выдающегося дирижера Грузии Джансуга Кахидзе.

Несмотря на камерный состав партитуры (всего 15 исполнителей), смело можно сказать, что произведение относится к симфоническому жанру. В то же время оно осмыслено в традициях оркестрового концерта XX века, где в основе развития доминирует принцип соревно-

вательности отдельных инструментальных групп. И на самом деле, оркестровая драматургия в этом сочинении основана на противопоставлении деревянных духовых, струнных и ударных групп. Композитор со свойственным ему мастерством отражает колорит и импровизационную стихию, присущую грузинскому народному песенному искусству. Партитура произведения насыщена моторной динамикой и фактурными наслоениями независимых мелодических линий, характерных для сложных многоголосных трудовых песен Западной Грузии. Применяя современные композиторские технологии, Кажилоти органично соединяет эти средства с импровизационными принципами и ритмо-интонационным языком джаз-рока. За это произведение Кажилоти присуждена Премия АКУМ на закрытом конкурсе Израильского агентства по авторским правам в номинации – лучшее произведение 2003-го года в камерном жанре.

Из последних сочинений композитора следует отметить двухчастную хоровую картину «Теилим Алеф» для смешанного хора, Сонату для скрипки и фортепиано, посвященную известному израильскому скрипачу Нитаю Цори, а также квартеты – Четвертый, Пятый и Шестой памяти жертв Еврейской Катастрофы, Сонату для фортепиано, Хоруми для духового квинтета, Ашрей (Псалом 1) – для меццо-сопрано, флейты, виолончели и фортепиано, Аллилуйя – для смешанного хора, солистов и фортепиано (2017). Все эти произведения в ближайшем будущем ожидают своего первого исполнения».

– Над чем ты сейчас работаешь?

– Продолжаю работу над 5-ой Симфонией – памяти родителей и симфо-джаз-рок-оперой на собственное либретто «Лехим Исраэль!» к 70-летию образования государства Израиль.

Марнеули. Памятник к 30-летию Победы. Скульптор Мераб Бердзенишвили

«ПРОСТИТЕ, МАМА, ЧТО Я НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ...»

Посвящается матерям фронтовиков Грузии

■ Леван ДОЛИДЗЕ

Самая страшная война, прокатившаяся по нашей планете – Вторая мировая война. Особо разрушительной и катастрофической для маленькой Грузии в демографическом плане стала эта война, которая обернулась трагедией почти каждой грузинской семьи.

Сухая статистика войны. Грузия пропорционально ее населению дала фронту самый высокий процент воинов в мире – приблизительно около 80 (!) процентов от общей тогда численности жителей республики. По всесоюзной переписи населения в 1939 году она составляла 3 540 760 человек. Каждый пятый житель Грузии, притом самый молодой и энергичный, который везде и всегда являлся ядром, основой нации, воевал.

Почти 300 000 воинов Грузии не вернулись с поля боя, то есть каждый двенадцатый! Великая Отечественная война, которая продолжалась 1418 дней и ночей, вырвала из тогдашнего на-

селения Грузии самую лучшую ее часть – крепкую и здоровую молодежь. Каждый день войны в среднем погибали двести наших фронтовиков! И это в то время, когда на территории самой Грузии не велись боевые действия. Фашистам не удалось вступить в Закавказье, о чем так мечтал Гитлер и его сообщники.

За период Второй мировой войны грузинских воинов можно было встретить на всех ее фронтах. Грузинские воины в составе советской армии были на четвертом месте после русских, украинцев и белорусов! А по общему числу погибших, согласно официальным российским данным, статистика такова: за годы войны погибло 5,7 млн. русских военнослужащих, что составляет 66,4 процента от общего числа погибших воинов на войне в СССР. Затем следуют украинские военнослужащие – их погибло 1,4 млн. человек (15,9%). И далее следует одна из самых небольших и по территории, и

по населению – Грузия: 287 425 тысяч павших и пропавших без вести воинов. Кажется, не будет лишним для читателя продолжить подобную официальную статистику. На четвертом месте идут белорусы – 253 тысяч погибших военнослужащих, что составляет 2,9 процента от общих советских потерь в армии и на флоте. Далее картина такова: татары – 188 тысяч или же 2,2 процента, евреи – 142 тысячи (1,6%), казахи – 125 тысяч (1,5%), узбеки – 118 тысяч (1,4%)...

Вот недавнее сообщение российской прессы. В составе 60-й армии 1-го Украинского фронта, освободившей узников концлагеря Освенцима 27 января 1945 года после русских, украинцев и белорусов шли грузинские воины.

Особенно трагичными для воинов Грузии стали первые годы войны, когда созданные национальные формирования – грузинские национальные дивизии оказывали врагу, превосходив-

шему их числом и вооружением, отчаянное сопротивление, неся колоссальные потери. Однажды Наполеон сказал, что гибель одного воина – трагедия, гибель сотен – статистика. Статистика же войны была ужасающей. Катастрофическими оказались для воинов Грузии сражения в Крыму, в которых погибли или пропали без вести около 90 000 человек, или почти треть от общего числа не вернувшихся воинов Грузии.

Почти все грузинские матери фронтовиков оделись в траур. И даже всеобъемлющая скорбь страны никогда не сравнится с щемящей и неизбывной болью матери, потерявшей на фронте сына, а нередко – сыновей!

Да, на фронте и в тылу было тяжело всем. Война – это все-народное горе. Однако больше всех страданий, безусловно, выпало на долю матерей, проводивших своих сыновей на фронт и так и не дождавшихся их возвращения. Что только не вынесли материнские плечи, на которые свалились все беды страшного и кровопролитного двадцатого века. Девичьи годы наших матерей фронтовиков совпали с годами Первой мировой войны, на которой погибло и было искалечено несколько сотен тысяч граждан Грузии! Среди этого числа были деды, отцы, старшие братья будущих матерей фронтовиков Второй мировой войны. Затем крах Российской империи, составной частью которой была Грузия, и спустя три с половиной года – интервенция нашей небольшой, но

независимой страны. Спустя время – репрессии тридцатых годов, трагедия многих и многих семей Грузии! А вскоре – разразилась Вторая мировая война... Свидетелем, а зачастую жертвой этих несчастий и катаклизмов была мать фронтовиков Грузии эпохи Второй мировой войны, грозных лет Великой отечественной войны...

Свои лучшие стихи поэты Грузии посвятили матери фронтовика, погибшего на войне. Галактион Табидзе, Георгий Леонидзе, Иосиф Нонешвили, Мирза Геловани, Сандро Эули, Симон Чиковани и многие другие. Проникновенные строки ей посвятила Марика Бараташвили: «...Поднимите ее высоко, в поднебесье ее вознесите, / Мать бойца над Землей пронесите – / Мать – легенду и память его! Всех Отчизне она отдала / Сыновей, что с надеждой растила / И за жизнь постоять научила, / Но от смерти спасти не могла...»

Одной из таких матерей, каких тогда в Грузии десятки тысяч, была Теброле Мацаберидзе. Сегодня и самих оставшихся в живых ветеранов той войны можно сосчитать в Грузии несколько десятков, им всем уже за 90 лет, а матерей фронтовиков не осталось в живых никого...

Однажды в канун 35-летия Великой победы над фашистской Германией, в поисках материалов на эту тему, я оказался на небольшой улице Бородина в районе Авлабара столицы Грузии. Там, в одном из старых тиф-

лисских домов, проживала тогда 83-летняя Теброле Мацаберидзе. Она так и прожила свою сознательную жизнь в трауре, – другого цвета одежды на ней никто не видел. Она встретила меня с доброй материнской улыбкой, но в глазах ее была такая печаль, что долго не мог я собраться с мыслями. Первое, что мне бросилось в глаза в ее небольшой комнатке, – было увеличенное фото двух юношей в морской форме. Под ним стояла железная кровать, перед ней тахта, небольшой столик, керосинка, два стула, табуретка. Вот и все убранство некогда счастливой грузинской семьи. Видимо, с начала войны здесь ничего не изменилось. Тогда в Тбилиси многие так и жили. Так жил и я на бывшей улице Дзержинского. Вместе с братом и мамой в ожидании отца-фронтовика, которого, как и тысячи моих сверстников, так и не дождался. Убранство комнатки Теброле Мацаберидзе дополняла, как и у нас, ручная швейная машина фирмы «Зингер». Когда глава семейства Лаврентий – рабочий одного из тбилисских заводов, – скончался Теброле было всего 23 года. У нее на руках остались 3-летний Гайоз и пятимесячный Ванико. С тех пор не было у нее ни сна, ни отдыха. С невероятными трудностями (об этом рассказали соседи) Теброле вырастила рано осиротевших детей...

В 1939 году, после окончания техникума, Гайоз Мацаберидзе был призван в армию и стал служить в военно-морском флоте, на Балтике. Каждое письмо домой, матери, начинал словами: «Моя дорогая мама!» В одном из писем написано: «...Скоро у меня будет отпуск и я приеду домой...». Однако вместо Гайоза к его матери приехали однофлотцы Реваз Каркаршвили и Гоги Парцвания, которые привезли купленный Гайозом отрез на костюм. «...После службы мечтаю пройтись по проспекту Руставели в гражданской одежде...». В письме Гайоз просил маму сшить из этого отреза костюм...

22 июня 1941 года – первый

день войны с Германией. С этого дня Тебрале Мацаберидзе потеряла покой. Первое письмо – треугольник со штампом «Проверено военной цензурой» было датировано 27 июня. В нем Гайоз писал матери и брату: «... 22 июня германские самолеты совершили налет на город Вентспилс. При отступлении нами были разрушены склады и другие постройки, несколько мостов. Обо мне не беспокойся. Война скоро завершится, и я невредимым вернусь домой...».

Гайоз Мацаберидзе мужественно сражался с врагом в Эстонии, на подступах Ленинграда, защищал Кронштадт. Последнее письмо от Гайоза Тебрале получила 9 августа 1941 года. Вот и все...

Осенью 1941 года Тебрале Мацаберидзе проводила на фронт младшего сына Ванико. Известно, что он воевал на Северном Кавказе, а до этого принял участие в Керченско-Федосийской десантной операции. Вскоре мать фронтовиков получила похоронку: «Ваш сын – красноармеец Иван Мацаберидзе погиб в боях за Родину 30 октября 1942 года. В боях он проявил героизм и мужество, похоронен в селе Капуста Орджоникидзевского края...».

Положив фронтовые письма в небольшую коробочку, Тебрале приподняла подушку, под которой лежал посланный Гайозом отрез на костюм. «Хотела сшить, но потом передумала, могла ошибиться в размерах», – тихо произнесла она. Даже спустя десятилетия эта хрупкая, рано поседевшая мать фронтовиков Тебрале Мацаберидзе жила в ожидании чуда, верила, что ее сыновья живы и вернуться домой. А пока она бережно хранила все, что связано было с ее сыновьями – письма, фотографии... Хотя фотоснимков военной поры у нее нет. Лишь одно фото Гайоза хранилось у нее, где он заснят со своим другом Доментием Чинчаладзе, да и комсомольский билет Ванико. Тогда, в 1980 году, Тебрале Мацаберидзе было 83 года. Я несколько раз навещал

ее. Спустя четыре года ее не стало. В последний путь мать фронтовиков провожали соседи...

Мне часто вспоминается пожилая Тебрале Мацаберидзе, в глазах которой была боль, печаль грузинской матери, у которой беспощадная война отняла самое святое и дорогое – жизнь сыновей. Многие из матерей не знали, где похоронены их дети, были лишены всякой возможности окропить их могилы горькими материнскими слезами. А сколько извещений о том, что их сын пропал без вести, было получено матерями в годы войны. Из общего числа погибших их было почти половина. Правда, время от времени появляются сообщения о пропавших на той войне. Например, не так давно в братской могиле в Терсколе на Се-

верном Кавказе похоронили считавшегося пропавшим Амбросия Дмитриевича Богверадзе, погибшего в 1942 году при взятии Ледовой базы на склоне Эльбруса на высоте 4200 метров, а также грузинского мальчика, личность которого пока не установили. Была найдена записка, которую мальчик должен был передать советским военным. Уже после смерти матери Мирзы Геловани стало известно место его погребения в братской могиле под Витебском. Именно строчку из его замечательного фронтового стихотворения я с любовью и болью вынес в заголовок данной публикации...

Вечная память вам – матерям фронтовиков Грузии – самым настоящим героям войны!

Тамаз Гендзехадзе

НЕПРИДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

■ Тамаз ГЕНДЗЕХАДЗЕ

«СПАТЬ ПОРА!»

До тех пор пока телевидение не укоренилось почти в каждой семье как «окно в мир», свой досуг очень многие проводили в кинотеатрах. Это сейчас в Батуми лишь один «APOLLO».

Бывший батумский кинотеатр «Тбилиси»

А было время, когда в местных газетах и по радио объявляли: в каком кинотеатре, Доме культуры, клубе шел тот или иной фильм. И порой, чтобы посмотреть желанную картину, приходилось выстаивать большую очередь.

Однажды меня с сестрой, еще маленьких, мама впервые повела в кинотеатр на детский сеанс. Неожиданно для нас погас свет, стало темно и за мгновение до того, как засветиться экрану, сестричка успела выкрикнуть на весь зал: «Спать пора! Спать пора!» Реакция окружающих не заставила себя долго ждать. Из-за хохота и шума сеанс прервали, включили свет, каждому хотелось посмотреть на нарушителя. Но это удовольствие не получили все

желающие – мама поспешно вывела нас из кинотеатра. Киносеанс, разумеется, состоялся, правда, с большим опозданием. А если верить слухам, в кинотеатрах города еще долго, как только гасили свет, кто-нибудь обязательно провозглашал: «Спать пора! Спать пора!».

СПАСИБО ДЕЛЬФИНУ

«Не перестаю думать, что характер дельфина, его веселый нрав, услужливое поведение с людьми были во все времена ни чем иным, как поисками контакта с нами... Когда дельфин прижимает к тебе свое мощное гибкое тело, приходит ощущение защищенности и бесстрашия... Объятие дельфина вливает необыкновенную силу, появляется состояние праздничного возбуждения...». Это сказал известный океанолог, ныряльщик Жак Майоль. И это я прочувствовал сам.

В начале 80-х годов минувшего века среди купающихся возле пансионата «Батуми», на месте которого сегодня возвели гостиницу, появился дельфин. Запаниковали многие, я впервые увидел, как взрослый мужчина, размахивая руками, вопил: «Ма-а-а-ма!». Я же напротив (не сочтите за хвастовство), подплыл к дельфину и стал гладить его. Наше общение длилось часа два, пока я не устал и не повернул к берегу. Дельфин все понял и, проведив, насколько это было возможно, уплыл.

На следующий день ранним утром я помчался к морю, новый знакомый уже был на месте. Почти пустынный пляж, а в воде – сверкающая под солнечными лучами блестящая длинноносая мордочка, на которой читалось: «Я ждал этого свидания»... Потом мы виделись дважды в день – утром и вечером. Порой я приводил свою пятилетнюю дочь, сажал ее на дельфина, и мы втроем умудрялись совершать пируэты. Я даже приспособился ласкать его под водой ногами, а он с превеликим удовольствием подставлял свое гладкое белое пузо.

Однажды, в разгар наших игр, дельфин вдруг исчез и через минуту вынырнул... между несколькими женщинами, уже их одаряя своей очаровательной улыбкой. Обиженный, я заплыл довольно далеко, устроил себе отдых на спине, но помешали два мягких толчка. Дельфин носом дал понять, что он меня не бросил... Так продолжалось около двух месяцев, до октября. Погода стала портиться, и мой друг пропустил свидание. Я знал, что перед штормом дельфины уходят в морские глубины. Но через пару дней мой дельфин вновь появился – попрощаться в преддверии очередного надвигавшегося шторма. Теперь уже навсегда. А я продолжал ходить к морю и, в конце концов, стал... местным «моржом».

МНОГИЕ ЗНАНИЯ – МНОГИЕ ПЕЧАЛИ

Один из вступительных экзаменов в Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили был русский письменный. Из трех предложенных тем я выбрал свободную «Москва – столица СССР». Написал о Белокаменной все, что знал из книг и фильмов, на семи листах. Оценили мое творчество на «четыре» (наивысшим баллом в то время была «пятерка»), а чтобы общую оценку по языку (письменный и устный экзамены) довести до отличного результата, надо было пройти собеседование у председателя предметной комиссии. Так я и поступил.

После обычных общих фраз

сидящий профессор вдруг спросил:

- В Москве бывал?
- Нет, – честно ответил я.
- Значит, списал, – резюмировал он.
- Каким образом, сама обстановка это исключала, – не годовал я.
- Не знаю, может, ты фо-

кусник. Свободен! – заключил председатель комиссии.

В университет я поступил, но профессорско-председательская «четверка» запомнилась на всю оставшуюся жизнь. Воистину прав Экклезиаст: «Многие знания – много печали»!

ОХ, ЭТА СВАНСКАЯ ШАПКА...

В 1953-1962 годах советская власть вела «штурм», экспансию целинных земель. Этот период вошел в историю как поднятие (освоение) целины. Задачей было превращение бескрайних степей Северного Казахстана в сельскохозяйственные угодья. Целинником пришлось быть и мне в составе студенческого строительного отряда (ССО) Тбилисского государственного университета. После дороги длиной в пять суток, проведенных в поезде, мы за пару летних месяцев построили два коровника в одном из совхозов Бишкульского района.

В хозяйстве нас ждала теплая встреча, были речи, концерт, банкет и, конечно, танцы.

Словом, вечер удался на славу и особенно запомнился таким эпизодом. Во время танца моя партнерша совершенно откровенно выдала следующее: «Какие у вас симпатичные, галантные ребята, но очень жаль, что много больных». Ошарашенный, я даже замедлил шаг и с волнением спросил, почему она так считает. Ответ был потрясающим: «Ну как же, у них за ухом слуховой аппарат, значит, глухие».

Оказывается, узелок шнурка от сванской шапки, который ребята, обычно, закидывали за ухо, был принят за слуховой аппарат (плееров и наушников в то время у советской молодежи не водилось). Когда об этом узнали остальные, от гогота затрясся весь зал.

КАК ВОСТОРЖЕСТВОВАЛА ИСТИНА

Был период в моей жизни, когда я руководил Морским издательством в Батуми и выпускал ежемесячный журнал «Морской вестник» на грузинском и русском языках. Деньги, выделяемые Морской администрацией на это издание, как и полагалось, распределялись строго по назначению, что подтверждали многочисленные документы.

В один прекрасный день вдруг позвонили из Совета Министров Аджарии и пригласили на заседание правительственной комиссии. По прибытии туда, оказалось, что «на ковер» были вызваны многие, а мой черед подошел только к вечеру. Каждый из девяти заседав-

Совет министров Аджарии

ших старался задать каверзный вопрос, а я пытался понять: в чем все же дело? В конце концов прозвучало неожиданное: «Куда делись 20 тысяч лари?»

Изумленный, я с трудом произнес: «Какие еще двадцать тысяч?» – «Не валяйте дурака, компьютер не может обмануть». Тут я не выдержал и вспылал: «Сначала разберитесь, а уж потом обвиняйте!». Недовольные моим поведением члены комиссии стали перешептываться, длилось это минут пятнадцать-двадцать. И тут меня осенило. Не дождавшись их «вердикта», я заявил: «По-моему, ваши обвинения не по адресу. Они, видимо, должны относиться не к Морскому издательству, а к Морской типографии». Так и вышло. Некий чиновник, проверявший систему всего морского хозяйства, спутал издательство с типографией.

Но самое смешное прозвучало из уст тогдашнего предсо-вмина после того, как я выразил свое негодование по поводу потерянного зря дня. «Почему зря? Истина-то восторжествовала», – возразил глава правитель-ства.

КАК СТАЛИН ДИСЦИПЛИНУ НАРУШИЛ

Мои студенческие годы прошли в Тбилиси, в университете имени И. Джавахишвили. Не могу похвастать, что посещал исправно все лекции, но аудитории, в которых читались общие с филологами дисциплины (я осваивал азы журналистики), помню хорошо. И вот почему.

На лекциях стали появляться «гости» – люди, не имеющие отношения к университету. При-

чем с каждым разом их становилось больше. Оказывается, прошел слух, что с нами на одном курсе будет учиться внук Сталина – Василий Васильевич Сталин. Так и случилось, вскоре он появился – симпатичный, среднего роста молодой человек. Разумеется, всем было интересно увидеть его, а если и повезет – познакомиться.

Очень быстро мы подружились. Василий грузинского не знал, но его как внука Сталина определили в усиленную группу по изучению языка, где пре-

Василий Сталин

подавал профессор-фронтовик батони Павлэ (фамилию умышленно не упоминаю). На первое же занятие Василий опоздал, чего вообще не терпел строгий профессор. Он тут же выгнал «нарушителя дисциплины». На перемене наш «штатный заводила» Темури Сепиашвили (к сожалению, ныне покойный Тамир Сапир, ставший в Нью-Йорке предпринимателем-миллиардером, партнером Дональда Трампа) сообщил профессору, что «нарушитель» – внук Сталина.

«Не имеет значения, кто он», – ответил батони Павлэ. А через пару минут он тихонько, незаметно для остальных, позвал Темури, попросил его найти и привести Василия, добавив: «Надеюсь, это останется между нами». Оставшееся лекционное время было посвящено вождю и «отцу всех народов».

Не прошло и года, как Василий уехал. Грузинского он так и

не выучил, да и стремления к этому не было.

«ВЕРДИКТ» ПАРТБЮРО

В 1976 году в газете «Заря Востока» (печатном органе Центрального комитета компартии Грузии) была напечатана статья «Путешествие по голубому Дунаю». В ней с сарказмом рассказывалось о многолюдной свадьбе некоего должностного лица. После большого застолья он со своей суженой отправился в свадебное путешествие по Дунаю. Объектом критики стал и тамада, занимавший номенклатурную должность. Так в нашей республике началась кампания против многолюдных свадеб, которую возглавил ЦК КП Грузии, принявший соответствующее постановление.

И надо ж такому случиться – именно в это время я решил жениться. Узнав об этом, руководство газеты, в которой я

работал, вызвало меня, поздравило и поинтересовалось, кого же собираюсь пригласить. Не задумываясь, я ответил: «Разумеется, весь коллектив». Мне дали понять, что это невозможно. И тут же создали партийное бюро, которое, не считаясь с моим мнением, составило список «приглашенных» из... семи человек.

Вместо ресторана свадьбу сыграли дома, то есть в тесноте, да не в обиде. Конечно, я пригласил всех сотрудников. Однако «вердикт» партбюро все же внес свои коррективы. И оставил неприятный осадок на всю жизнь.

ВСЕЛЕННОЙ ЖИВОЙ МНОГОГРАННИК

■ Анаида ГАЛУСТЯН

Мелодия для скрипочки и флейты...
Страшит ее святая простота.
Два голоса, две вещих птицы смерти,
Два ангела и – райские врата...

Говорят, возвращаться – плохая примета, но только не в город детства, юности, первой любви и первых стихов. Город, где остались голоса друзей, разговоры по душам и песни, боль когда-то бежавших из Карса предков, корни... Где родной дом, мама и брат. Он вернулся через 25 лет, пройдя через жизненные передряги, болезнь, поиски себя и своего места в жизни. Вернулся возмужавший, поседевший и мудрый, скромный, улыбчивый и добрый и раскрыл жаркому тбилисскому солнцу свои объятия. Правда, вернулся на время... С возвращением, Юрий! Излишне задавать вопросы о том, скучал ли он по родным местам, когда у него есть такие строчки-воспоминания:

Сашик с Людой жили-были,
Жили на Марджанишвили.
Где железные ворота,
Там, где вывеска «Плиссэ»...
Все прошло бесповоротно –
Нет ворот и подворотни.
Было все, конечно, было,
Да давно и как во сне...

Или такие:

Обметает дворы и покатые крыши.
Пыль к земле прибывает рыдающий дождь.
Облетают во тьме сололакские вишни...
Синеокая Нана, о чем ты поешь?..

Или вот – другу:

...Но тебе не избыть ни любви, ни печали.
Твой удел – это жгучая боль бытия...
Ты в тенетах судьбы, словно рыба-цоцхали,
Что сверкает под солнцем в сетях рыбака...

Юрий Саников вернулся и привез свои замечательные стихи и песни, простые и сложные, философские и мудрые.

Вселенной живой многогранник
И золото звездной купели...
Я – только паломник, я – странник
Иду и не ведаю цели.

Он – странник на извилистых дорогах жизни, ищущий себя и Бога, красоту, ответы на мучающие вопросы. В нем какая-то неприкаянность и бесконечное одиночество в этом вечном поиске... Так и говорит: «Все стихи и песни написаны от чувства одиночества и тоски».

...Я дорогу давно позабыл к своему очагу,
Но сейчас вспоминаю родную деревню невольно...

Мне не больно, под ветром стою на пустом берегу,
И так сердцу легко, одиноко ему и спокойно.

Юрий Саников родился в Новокузнецке, потом семья переехала в Тбилиси, где он жил до семи лет. Три года жили в Индии: отец работал на заводе тяжелого машиностроения. Вернулись в Тбилиси. Он пошел в математическую школу им. И. Векуа. После окончания школы уехал в Москву, поступил в МИФИ, женился и перевелся в Тбилисский университет на физико-математический факультет, стал геофизиком. Супруга окончила Академию художеств, работала в оперном театре. Казалось бы, живи и радуйся, но он снова собрался в дорогу, на этот раз – на север, в маленькую деревушку под Архангельском. «Хлопнув дверь, уйду я из отчего дома, / Где в крапиву и жимолость прячутся стены...».

– От Архангельска добирались поездом, потом на автобусе, на пароме, – смеется он. Устроился в местной школе учителем математики. Там, на севере, никто не мог понять, почему человек приехал из теплого Тбилиси в такую глухомань и присматривались с подозрением. А дом молодых супругов – учителей стал центром, где собиралась молодежь, пели песни Окуджава, вели разговоры, засиживались допоздна. Однажды водитель грузовика остановил его и сказал: «Юрий Григорьевич, о вас говорят, что у вас подпольный кружок». Это был 86-й год. И однажды пришла повестка: прийти с вещами в милицию. «Я сидел и думал, как сообщить родителям и что делать? Но никуда не пошел, а позвонил, что получил странную повестку и ничего не понимаю – я всего

лишь учитель школы», – вспоминает Юрий. Ответа ждал 40 минут, в конце концов ему ответили, что перепутали фамилию и адрес. Видимо, проверяли, как он себя поведет, ждали, что испугается, побегит...

Почему именно Архангельск? «Где-то в 80-м году Армен Зурабов, который читал все, что я писал, дал мне телефон Вадима Валерьяновича Кожина – это был ведущий критик в России, занимался именно стихами. Я попал к нему в Москве. Сейчас думаю, как я посмел пойти к нему с первыми неумелыми стихами, но он подарил мне три часа. Он меня поразил: читал Данте по-итальянски, Катулла на латыни... И он сказал такую фразу: «Невозможно жить в Тбилиси и писать русские стихи». Тогда и решил уехать в российскую глубинку, и никогда об этом не пожалел. Теми впечатлениями я питаюсь до сих пор». И действительно, первые серьезные вещи он написал именно там.

Спустя время Анна Смирнова, супруга Армена Зурабова, познакомила меня с поэтом Юрием Левитанским. Он посоветовал мне поступить в Литературный институт. Но в институт я так и не поступил. Кто-то сказал, в литинституте готовят профессиональных читателей», – смеется он.

Поездка на север была фундаментальной для Юрия, ведь это был совершенно другой мир, «другая планета», как он говорит. Особенно после Тбилиси. «Однажды в школе решили пойти на лыжах на восьмое озеро – там такая система озер, – вспоминает он. – Я на лыжах второй раз в жизни. На улице – минус 35 мороза. Все ушли вперед, а я медленно иду, т.к. быстро не умею. Тут началась вьюга, лыжню занесло, стою и не знаю, куда идти. А там волки, медведи. Хорошо, угадал направление и пошел правильно. Тут на встречу вышли коллеги – догадались, что отстал. А на озере – охотничья избушка, которая вся в инее изнутри, но в избе топор, пила. Срубили сухую сосну, развели огонь. Скоро стало так жарко, что разделись по пояс. Сидим, смотрим в окошко – сосны гнутся до земли, такая вьюга, и пьем спирт для согрева, который кажется водой, оттого что легкие заледенели и как-то очистились. И вот тогда впервые в жизни мне показалось, что я разгадал тайну мироздания. Вот в этой заброшенности и в то же время – единении с природой. Вот такая была фантастическая эйфория». Жена всегда была рядом, над ней подшучивали и называли «женой декабриста». Жене и дочери посвящены очень теплые и нежные строчки.

...Совершается нечто...
Полуночный всадник летит,
В грязной пене и в мыле
Эпоха грызет удила...
На руках у меня
Моя нежная женушка спит.
Мне дочурку она
На закате вчера родила.

И «Колыбельная» для дочери:

На реке туман. Слышен плеск весла.
За окном скрипит старая сосна.

Рыбаки плывут по ночной реке.
Плещет под луной рыба в тростнике.

Тени на стене. Гаснут облака.
Стынет на окне кружка молока.

Я спою тебе, лампу потушив.
Спи, мой мотылек, крылышки сложив.

Там, на севере, были опубликованы и первые стихи...

Прошли три года и супруги вернулись в Тбилиси, работали, а потом началась перестройка и борьба за существование. Решили снова уехать. Сначала в Москву, затем в Петербург, где они и живут по сей день.

...Твоих коммуналок ковчег ледяной
Качаясь, плывет над полночной Невой.
Два северных сфинкса тебя стерегут,
Два сфинкса, две тайны – печаль и уют.

Наконец, Юрий нашел тихую гавань в одной из петербургских школ, где он преподает математику. Ученики обожают своего необыкновенного учителя, который может сказать: «Забудем сегодня о логарифмах» и читает стихи. Его слушают, с ним делятся, обсуждают волнующие темы. Говорят о самом разном, но и о математике, конечно, не забывают. Многие его ученики поступили в высшие учебные заведения. «Дети и работа помогают мне жить», – говорит Юрий, и очень гордится и тем, и другим. Как-то в гости пришла дама – завуч одной из школ – и сказала, что стесняется своей профессии учителя. Юрий так возмутился, что написал песню.

Одарен я завидной судьбой,
И в страну, где цветут незабудки
Я детей уведу за собой...
У меня есть волшебная дудка...

Стихи он писал всегда, а песни стал писать в конце 90-х. Однажды на концерте подошла пара – обоим было за 80. Сказали, что прошли лагеря и что песню «Щелкает челюстью время» он написал о них. Было очень приятно. Тема репрессий и лагерей близка Юрию, в то время пострадали его родственники.

Все по воле Господней,
И только по ней:
Тусклый свет преисподней
И тоска лагерей.
Лагеря да погосты,

Лагеря да кресты,
И сугробы, и кости
Воркуты и Читы...

«У меня предки армяне и русские. Мой русский дед уходил с Колчаком от «красных», а в советский период больше трех лет не жил на одном месте – боялся, вдруг узнают, что служил Колчаку. А армянский дед был известным фармацевтом. Когда в 70-е годы заходил в аптеку, меня спрашивали, не внук ли я того самого Ивана Петровича Пилосяна – все старые фармацевты его помнили. У него у самого когда-то аптека была в Батуми, и в Тифлисе он работал аптекарем. А брат моей армянской бабушки в 16-м году уехал в Италию и дослужился до кардинала. Во время Второй мировой войны он приезжал повидать сестер. Это держалось в строгой тайне. Бабушка из армян-католиков. Это была купеческая семья, бежавшая из Карса во время резни. Вот такая история семьи...», – говорит он. Армянской тематике посвящены замечательные стихи.

...Армения, судьбе наперекор
Стоишь ты, сотворенная из камня,
Из корневищ вспоенных кровью гор.
Пусть Промысел до времени таится –
Взрыхляет души музыка, как плуг...
Благословил Господь твою десницу,
Лозу и Крест, и плачущий дудук!

И еще:

...Не спасли ни Господь, ни любовь.
Словно память, черна моя кровь.
Голос твой раздастся вдали...
Мое сердце с тобою, Ани...

А вот строки из стихов о Холокосте.

Нет, печаль несладима, этот плач несладим
Дщери Эршалаима, я ваш пепел и дым.
Дщери Эршалаима, я ваш пепел и прах,
Я сгорел вместе с вами в нацистских печах.
Горе мне! Я не спас стариков и детей.
Обезумел. Я – там, среди черных костей.
Мой расколотый разум, как пламя, угас...

Он пишет обо всем, что не может оставить равнодушным настоящего человека – о страшном, печальном, красивом, добром... В его поэзии боль всего человечества, запахи жизни и поиск смысла, поиск Бога, себя в этом странном мире, замешанном на разных языках, культурах, религиях...

...Славяне, тибетцы, евреи, арабы и копты,
Сандал я и ладан в пропорциях равных смешаю...

И что мне ответят, коль спросят презрительно:
– Кто ты?

Я капельки крови своей по Земле собираю.

Юрий Санников

Но, пожалуй, вернемся в Тбилиси!

Считает ли он себя тбилисцем? – «Конечно! Но в изгнании. Знаете, чего мне там не хватает? Тбилисской компании, несмотря на то, что есть круг. Но нигде так не сидели и не общались, как в Тбилиси. А еще не хватает тбилисских гроз и ливней». Юрий замечает, что город изменился, но в то же время остался таким же. «К сожалению, для меня Тбилиси стал городом воспоминаний. Хожу и вспоминаю: вот здесь жил тот-то, но уже умер или давно уехал... До семи лет я жил на Калинина, 23. Недавно друг привел меня в этот двор. Из окон квартиры, в которой мы жили, выглянул мужчина и спросил, кого мы ищем. Я сказал, что жил в этой квартире 50 лет тому назад. Он спустился, разговорились и оказалось, в этом дворе на первом этаже жил его дядя – Яша, который был младше меня на три года и с которым я играл в детстве! Как хорошо, что есть люди, с которыми можно вспомнить что-то радостное из детства».

...Тоска и печаль, растворенные в звуке, –

Какая-то смутная память о детстве...

Плывет по реке пароходик разлуки,

И в муке прощанья заходит сердце.

Юрий Санников публиковался в журналах «Нева», «Невский альманах», ежегоднике «Окно», издал две книги, выступал с песнями на радио. Первый поэтический сборник «Все по воле Господней» вышел в 2006 году, во второй – «Вселенной живой многогранник» вошли стихи и песни последних лет.

СВЕТ ДАЛЕКИХ ЗВЕЗД

■ **Камилла Мариам КОРИНТЭЛИ**

В богатом творческом наследии Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели, этих двух столпов духовности, литературы, культуры и общественно-политической жизни Грузии XIX века, содержится множество интересных материалов, и среди них две жемчужины: статья Ильи Чавчавадзе о великом царе Грузии Давиде IV Агмашенебели (Строителе) и статья Акакия Церетели о великой царице Грузии Тамар-мепе. Написанные разными авторами совершенно независимо друг от друга и обе – строго по историческим данным, с привлечением свидетельств современников, также исторических лиц, произведения эти поражают не художественными изысками, но мудростью и несвойственным эпохе передовым гуманистическим смыслом и направленностью действий двух великих венценосцев, время царствования которых: Давид Агмашенебели – 1089-1112 г., Тамар – 1184-1213 г., то есть XI-XIII века.

Скромные по объему два этих произведения без всякого агитирования высвечивают кардинальные аспекты и позиции

обоих эпохальных монархов. Они были не просто прогрессивные личности – они далеко опережали свое время и, что главное, – они как бы начертали потомкам путь, которым следовало идти и вести страну, единственно верным и успешным. Грузия и стольный град ее Тбилиси, благодаря географическому положению, мягкому климату, историко-политическим и другим причинам издревле притягивали к себе иноземцев. Здесь проживали представители разных национальностей и различных религий, которые составляли определенную часть населения страны, с чем считались ее правители.

В связи с этим вспомним, что в грузинском языке периода XI-XIII веков, а также XIX века не существовало слова «толерантность», оно появилось в конце минувшего столетия. Понятие, этим словом существовало с очень далеких времен и имело место в реальной действительности, так же, как и «гендерное равноправие», о чем свидетельствуют как исторические факты и хроники, так и некоторые дошедшие до нас обычаи грузин.

И в том же XII в. Руставели провозгласил: «Дети льва равны друг другу, будь то самка или самец».

Как ни удивительно, несмотря на огромную временную отдаленность ренессансной эпохи Грузии, в которую жили и действовали Давид Агмашенебели, Тамар, а также последние сто с лишним лет со времени написания статей, они актуальны и сегодня, в XXI веке.

Остается добавить, что Илья Чавчавадзе написал статью «Давид Агмашенебели» в 1888 году и опубликовал ее в 17-ом номере своей газеты «Иверия» того же года. Статья «Тамар-мепе» была написана Акакием Церетели в 1903 году и в 1913 издана отдельной книжечкой в Кутаиси, городе, который был культурным центром того времени.

ТАМАР МЕПЕ

■ **Акакий ЦЕРЕТЕЛИ**

Так уж исстари повелось, что любой исторический народ нашего Земного шара причиной всех

бед и горестей называет женщину. Древние греки, к примеру, возмущенные троянской неудачей и падением Илиона, причиной всей этой катастрофы считают Елену Прекрасную. Некогда горделивые и презирающие другие народы евреи в неожиданной слабости и поражении Самсона обвиняют Далилу. Конец могущества египетских фараонов приписывают страстности Клеопатры. Не станем перечислять все примеры и признаем: все человечество объединено во мнении, что причиной потери рая была первая мать – Ева. Поистине удивительно, в подлунном мире все меняется, время и пора не нарушают от века заведенного порядка, столетие следует за столетием со своими требованиями и условиями; народы сменяют друг друга, как и религии, старые кумиры сокрушаются, а мнение о женщине как бы застыло на месте. Современные люди, подобно древним, не лучшего мнения о женщине. Мохаммед, который своему верблюду отпустил половину человеческой души, в женщине не обнаружил и четвертушки ее. Блаженный Августин называет женщину «чертовой посудинкой». Один из высоко просвещенных народов – французы, насчет женщины придумали смешную поговорку – «ищи женщину», то есть, что ни случись, во всем женщина повинна. Поразительно, почему же мы не избегаем женщин, их коварства, не чуждаемся их, причины нашего несчастья не только в этой, но и в той жизни? Что нам мешает? Да просто чутье правды, перед которым бессильны как древние премудрости, так и современные остроумные изречения.

Да, господа, женщина вовсе не такова, какой рисует ее заносчивое самолюбие мужчин. Как, неужели не всякий «глас народа» есть «глас Божий»? То, что не просеялось через столетия, не может считаться «гласом Божиим». Несправедливые высказывания и выкрики взбужденной толпы, охваченной единым порывом подражания друг другу – это не «глас Божий». Именно такой «глас» возвел на Голгофу Спасителя, бросил в костер Джордано Бруно, предал Галилея и других глашатаев истины. Лишь тот «глас народа»,

который провозгласит правду, как непреложную истину и установит ее навечно, может считаться «гласом Божиим». Бродячее же мнение о женщине не может быть тождественно «гласу Божию». Придет время, и однажды человечество осознает истину. Говорится – закон не бывает без исключения. Среди древних народов был один народ – иберы, или грузины – картвелы, которые совершенно иначе смотрели на женщин, приравненными в правах к амазонкам. К ним относились с уважением и лучших из них вспоминали, например, Медею, колхидских женщин. То было во времена язычества; позже, уже в христианские времена, женщина в Грузии еще больше возвысилась в глазах мужчин. Это так и должно было быть, поскольку в этом маленьком христианском государстве первенство принадлежало женщине, ибо перед простой странницей, каппадокийской молодой девушкой, которая в руках держала всего лишь отростки виноградной лозы, скрепленные в виде креста прядью ее собственных волос, склоняли голову одетые в доспехи государь и его двор. Кетеван-царица подает пример мученичества во имя веры и национальности. Великая Тамар, во время правления которой ни один человек не был предан смертной казни, завещает венценосцам, что правление и возвышение государства возможно лишь с любовью и милосердием. Вот эти три женщины, эта «самая светил» (грузинский танец, в котором участвуют три танцовщицы) подобно столпу света сияли они перед нашими матерями, грузинскими женщинами, и мы должны признать к их чести, что ни одна из них не изменила, они были достойными преемницами тех трех предшественниц. Историки, исследователи древностей с удивлением задают вопрос: по какой причине, чем объясняется, небесным чудом или земной магией, что эта маленькая христианская страна с такой силой противостояла могучим полчищам мусульман, которые без особого труда повергли Византию и разделили славянские княжества? Ответ прост: этим чудом и волшебством была грузинская женщина. В радости и в горести она

была верной супругой своему мужу, героями растила родине сыновей. Когда страна пришла в упадок и все потеряло свое лицо, это прежде всего отразилось на женщине. И на сторонний взгляд слова «историческая грузинская женщина» казались сказочной мечтой либо навсегда исчезнувшим явлением. Однако это не так. Как кажется нам порой. И законы мироздания свидетельствуют – все, что существует и движется, устает, а от усталости надо отдохнуть. Не зря сказал поэт Бараташвили – «Солнце заходит по вечерам, чтобы отдохнуть и по утрам с большей силой восстать и освещать, и согревать землю». Вот и в нашем случае так: нам, грузинам, уставшим от постоянной, в течение долгих столетий борьбы с врагами за христианство и нашу землю, нужен отдых, нужна передышка... Нынешний временный сон и бездействие – это новое набирание сил для того, чтобы по пробуждении мы смогли бы вместе с сильными государствами пойти вперед с помощью просвещения. Тогда, вероятно, опять же грузинские женщины встанут в передовые отряды. Но оставим это будущему. А пока обратимся к прошлому.

Арабская цивилизация с самого же начала заглянула в Грузию, со времен Мурвана Кру (Глухого), в VIII веке. Связь между двумя народами не обрывалась. Лучшие арабские ученые и знатнейшие вельможи были приближенными грузинского царя. То, что Коран запрещал арабским женщинам, дозволено было христианкам, и грузинские женщины пользовались этим. В те времена прославились многие грузинки, и в XII веке они уже появились и на политическом поприще. Таковыми были племянница Давида Агмашенебели Тамар, известная во всей Малой Азии под именем Тамар Гурджт-Векил – Векил Тамар, Бурдуханум, супруга Георгия III-го, и Русудан, сестра того же Георгия III, тетка (сестра отца) и воспитательница Тамар-мепе, вдова султана Хоросанского Краваи Джакели, мать Хошач Цокала – Рати Сурамели Вахаи, и другие. Самой блистательной в этом хороводе светил была Тамар.

Сказочные, необычайные

Анакий Церетели

события 1184 года собрали в Тбилиси народ со всех концов страны. На грузинский престол возводили дочь царя Георгия III-го, славившуюся своей красотой Тамар. Восхищенные ее ликом придворные, вельможи, все присутствующие еще больше были поражены ее царским словом: «Нагой пришла я и нагой уйду с этого света, – с такими словами обратилась она к народу, взойдя на престол, – все мирское в мире останется, нет здесь собственности моей, и царство мое так же и вам принадлежит. Меня возвысила судьба для того, чтобы я возвысила государство ради вашего блага, но разве смогу сделать это я, слабая женщина, без вашей помощи и вашего соучастия? Прежде всего я обращаюсь к вам, выученные моим отцом военачальники и воины! Дайте мне возможность первым делом укрепить границы царства, чтобы отражать внешних врагов. Потом обратимся к внутреннему устройству, и здесь должны вести меня вы, святые отцы, за что вас ждет двойная благодарность: здесь – от царя и там – благословение небесное; Вы же, дидэбулы и эриставы, споспешествуйте – шествуйте мне в том, чтоб дать дорогу и простор учебе, труду и таланту, каковые со всеобщей любовью должны быть положены краеугольным камнем.

Следуя этой программе, взяла она в руки скипетр, и не прошло и трех лет, избранные ею эриставы, возглавляемые Закариа Мхаргрдзели, не только укрепили, но и расширили границы

Грузии. Имя и слава молодой царицы прогремела на всю Малую Азию. Шамхорская битва и поражение азербайджанского эмира ошеломили мусульман. Слава христианской царицы заставила султана Икони Джелал-эд-Дина собрать правверных со всех концов его страны, и огромное войско подступило к границам Грузии.

Султан не сомневался в том, что с четырехсоттысячным войском он с землей сравнивает христианское государство. Однако судьба решила иначе, и позорное поражение заставило его спастись бегством, чтобы не попасть в плен. Весь его лагерь, отягченный богатыми трофеями, достался победителям. После того Тамар отложила свой меч, собрала дань с подвластных ей царств и занялась внутренними делами..

А Тамар обновляла и строила крепости, укрепляла города, в неорошаемых засушливых землях проводила каналы, строила храмы и подносила дары и делала вспомоществования не только на земле грузинской, но и вне ее пределов. Например, в Иерусалиме, в Антиохии, Фракии, Македонии, Константинополе, на Афоне и на Кипре и т.д. Основала Трапезундскую империю и возвела на трон сына византийского императора Андроника Комнена Алексия и до самой смерти своей радела о силе Грузии и о ее народе. За время ее царствования, в течение почти 28 лет,

единственное неприятное событие случилось в 1190 году, когда восставшие имерские эриставы Вардан Дадиани, Дато Шарвашидзе и Барам Варданидзе пригласили из Константинополя первого мужа Тамар Георгия-Руси и в Гегути (Западная Грузия) объявили его царем Грузии. Но могущественной царице не понадобилось много времени, чтобы подавить мятеж. И эта неприятность так прошла в ее жизни, как неприятный сон. За время своего правления она совершила столько великих дел, так возвысила Грузию, что если бы у нас в руках не было всех неопровержимых исторических документов, все, ею свершенное, представилось бы сказкой, либо сновиденьем. Потомки уж и не знали, как выразить благодарность этой необыкновенной женщине. И титуловали ее «Тамар-царь» по-грузински «Тамар-мепе» (мепе т.е. король, царь, но не дэдопали – королева, царица – *Прим. пер.*) и таким образом поставили ее рядом с помазанниками. Церковь причислила к лику святых Тамар-мепе, это чудо среди венценосцев, и днем почитания установила первый день месяца роз древнегрузинского календаря, т.е. 1 мая.

Сегодня этот день Тамар-мепе 1 мая празднуют не только грузины (имеются в виду, христиане – *Прим. пер.*) но и те, кто некогда были грузинами^и оказались вынуждены поменять свою веру.

1903 год.

ДАВИД АГМАШЕНЕБЕЛИ

■ Илья ЧАВЧАВАДЗЕ

(Ко дню поминовения царя Давида Агмашенебели – 26 января)

Не знаем, как думают другие, но мы полагаем, что падение и вырождение нации начинается с того, как она, к своему несчастью, забывает собственную историю. Так же как нельзя назвать человеком того бродягу, который уж и не помнит, кто он, откуда и куда идет, так нельзя назвать нацией тех, на кого Господь прогневался, и они забыли свою историю.

Что есть история? Она повествует о том, кем мы были, кто мы есть и кем, возможно, станем в будущем. История на своей груди чеканит лишь движения души и сердца нации и этой чеканкой, словно в зеркале, показывает нам силу, которой одарена эта нация и дает ей подорожную на путь долголетия и усиления в грядущем.

Лучшие и величайшие деятели нации это ведь не кто иные как выразители самых сокровенных желаний и устремлений, потому они будто творят, создают историю. Потому-то такие деятели, по нашему разумению, должны быть незабвенными, если нация хочет пребывать нацией и не желает оказаться сметенной с лица земли. Забвение этих людей подобно забвению самого себя, забвению того, кто есть ты, а ежели человек о том не помнит, к чему он пригоден? Он становится зверю подобен, который, перестав кормиться материнским молоком, не помнит более родительницы своей, подарившей ему жизнь. Кроме того, что действиями и стараниями этих лучших и величайших мы сегодня живы. И живем, они сослужили нам и другую службу. Они – живые примеры того, каких высот возможно нации достигнуть при тех или иных обстоятельствах. Насколько велик духом тот или иной деятель, насколько часто появляется такой деятель в истории той или иной нации, насколько вернее и точнее будет та мера, которой измеряется добро, мощь и возможности этой нации. Если вчера были люди моей крови и плоти достойные и великие, по какой причине не появятся они вновь – если предположить те же обстоятельства? Помимо того, что благодаря действиям и трудам этих лучших и величайших мы живем сегодня, они имеют и другое значение для нации. Нация в своих героях обретает свой дух, сердце, свое значение, свою силу и мощь, свой образ и пример. Потому иных из них она увенчивает венцом святого и молится ему, иного – ореолом великого и поклоняется ему с упованием и благодарностью. Вот почему этих деятелей необходимо помнить и никогда не забывать.

«Для нас, людей, – говорит мудрый Сенека, – необходим та-

кой человек, по образу и примеру которого мы смогли бы выковать и утвердить свой характер. О, как счастлив тот, кто воспитывает нас не только пребывая с нами, но и одним лишь воспоминанием о себе преображает нас!»

Такой счастливцев для грузинской нации – Давид Агмашенебели. День его упокоения – 26 января. Церковь грузинская, которая всегда самоотверженно заботилась о нации грузинской и славу ее никогда не предавала забвению, 26-й день января установила днем его вечного поминовения. В этот день церковь восхваляет и восславляет великого царя Давида, которого по безошибочному единодушному решению народа и с благословения церкви нарекли Давидом Агмашенебели-Строителем. Истинно великий государь, он собрал воедино всех грузин, разрушенную страну отстроил, врагов ее разметал и устранил и если мы ныне в наших пределах на нашей земле живем – это заслуга его, его служба и забота. Да славится имя его!

Однако Давида Агмашенебели восхваляем мы не только как достославного царя, но и как благородного, великодушного человека. Он, горячо любящий свой народ и православную веру, был большим почитателем и другом народа и другой веры.

Такая терпимость, такое уважение к достоинству другого народа и другой веры в те времена, когда человек человека не щадил, и тогда царь Давид стал всеобщим и всемогущим властителем страны! Разве не удивительно это и разве не является это поразительным примером? Возможно ли требовать большего великодушия от человека XII столетия, тогда как сегодня, на исходе XIX столетия нам представляется странным Глаустон, который защищает нацию и вероисповедание ирландское с тем же человеколюбием, с коим Давид Агмашенебели почитал чужую нацию и веру! Оставим наших летописцев и послушаем летописцев иноземных. Что говорят они? Они также с восхищением вспоминают Давида Агмашенебели как человека, умеющего уважать и терпимым быть к чужой нации и чужой вере.

Армянин Матэ Эдэсский по-

вестует: «Давид был чистейший, добродетельный, преисполненный благотворительности и праведный судия, вокруг него собрались все из рода армянского, для коих он построил Кори (Гори), и в нем воззвал множество церквей и монастырей. И нашим родственникам всем, армянам, дал утешение и вдохновение».

Вардан Великий пишет: «У Давида не было никакой ненависти к армянскому богослужению и к церкви армянской: он часто склонял голову пред нами и просил нашего благословения».

То, что царь Давид так относился к армянам, быть может, не столь удивительно, поелику они, как бы ни было, являлись и являются христианами. Однако великодушие и человеколюбие Давида распространялось и на мусульман, и это тем более знаменательно, что мусульмане тщились искоренить веру самого царя Давида и его народа. Вот что читаем у мусульманского писателя Аль Айни: «Мусульмане попросили Давида, чтобы воспретил он христианам вместе с мусульманами сходить в баню и воспретил бы гяурам плохо их упоминать. Давид все эти их просьбы выполнил. Вместе с сыном своим Дмитрием Давид ежедневно входил в главную мечеть, слушал главную молитву и чтение Корана. Давид щедро давал деньги катибу и муэдзину. Он построил караван-сарай для чужеземцев и поэтов, коим назначил их долю. Ежели кто пожелал бы покинуть Тбилиси, тому помогал и деньги давал на путешествие. Давид более почитал мусульман, нежели их собственные князья» (Эта цитата, как и вышеприведенные, взяты из замечания г-на Д. Бакрадзе – примечание И. Чавчавадзе)

Такое благородство и великодушие царя Давида свершилось в ту пору, когда могущественный царь полностью утвердился в стране, так что его благородное и просвещенное поведение следует приписать лишь его великодушному сердцу и мудрости его – и ничему более.

Я уже не говорю о том, что для больных, немощных и увечных Давид выстроил лечебницу, которую сам часто посещал, чтобы навестить и проведать этих несчастных.

Илья Чавчавадзе

Вот он, этот великий царь – какой великолепный лик являет он нам и какой блистательный документ дает нам. Воспоминание столь достойнейшего Человека есть оживление нации. Забвение его должно зачесться нации смертным грехом, той нации, которая породила его и грудью своею вскормила. Защитница наша церковь хорошо это знала и потому назначила нам день 26 января, чтобы хотя бы раз в год вспоминали бы мы великого царя и великого человека, которым каждый грузин гордиться должен.

Человеку два имени иметь положено, – говорит наш народ, – одно, которое здесь, на земле останется, второе – которое с собой унесет. Этот завет грузинский никто так не исполнил, как великий царь Давид – здесь за царем осталось имя Агмашенебели, а с собой унес, как благородный и великодушный человек, имя святого, увенчанное ореолом славы. 1888 год.

Перевод с грузинского Камиллы Мариам Коринтэ-ли

Выражаю благодарность доктору философии, учредителю и руководителю Ареопагитского научного центра Тбилисского государственного университета им. И. Джавахишвили и Нью-Йоркского катвелологического центра госпоже Дэнизе Сумбадзе за предоставление этих двух материалов и доктору исторических наук, писателю Зурабу Ратиани за идею их публикации.

Н. Шахбазов с супругой Фаиной Крымко

МАЛЬЧИК НА ФОНЕ ДЕРЕВА. ДЕТАЛЬ

■ Николай ШАХБАЗОВ

*Окончание
Начало см. в №4, 5*

Пешком на Мтацминду можно подняться не только по тропе, напоминающей латинское S. Можно подняться и по каменным ступенькам, выложенным вдоль рельсов фуникулера. Однажды я выбрал этот путь, ужас какого страха натерпелся и дал себе слово больше такой глупости не делать.

Взрослые полагали, что Мопассан может быть понят мной превратно, но я украдкой все же читал его, а заодно и переводные низкопробные романы, которые в изобилии поставлялись на книжный рынок всякими акционерными издательствами. Читатели моего поколения помнят эти книжки в мягкой облож-

ке, изданные на газетной бумаге, неряшливо, со множеством опечаток. Ко мне они доходили уже зачитанными и замусоленными. События в них происходили на дальнем Западе или крайнем Востоке, в центре цивилизации или в первобытных джунглях. В них действовали обольстительные женщины, великосветские шалопаи, международные гангстеры, дураки-миллионеры и девушки из простонародья... Недавно на глаза мне попался один из этих романов, я сразу по одной обложке узнал его и, несмотря на высокую цену, поставленную букинистом, не удержался и приобрел.

...и все это читиво, определяемое нами словом бульварщина, соседствовало и каким-то

странным образом уживалось рядом с великой литературой. Открывая для себя огромный, непознанный мир, я с одинаковой жадностью читал и Шиллера и, допустим, Оливию Уэдсли.

Вернувшись из школы и швырнув портфель на подоконник, за которым обычно готовлю уроки, я, давясь, завтракаю и, не слыша, что кричит мама вслед, сбегая по лестнице во двор, где сверстники мои уже в сборе и уже распределяют роли – кому изображать казаков, кому разбойников. Меня встречают радостными возгласами и обращаются, как к высшей инстанции, для решения спорных вопросов. Нас двое – предводителей дворовой ватаги – я и Алеша В. Без нас не обходится ни одна игра. Более того, любые начинания исходят от нас. Однажды мы провели первомайскую демонстрацию – по примеру взрослых. Запаслись загодя красками, картоном, лоскутами кумача; кто писал плакаты, кто мастерил флажки, кто клеил цепи из разноцветной бумаги – все были в восторге от нашей затеи. В день Первомая перед собравшимися во дворе ребятами я с лестничной площадки произнес речь, в которой призывал к мировой революции, после чего мы праздничной колонной прошли до Пушкинской, но вынуждены были свернуть назад, не пропущенные далее милицейским кордоном. Прохождение останавливались и глядели, умиляясь нашей сознательности.

Бывало, мама мне поручала сбегать в лавку к Андронику, чаще всего – за керосином. Без керосина жизнь казалась невозможной. Сегодняшние дети, вероятно, весьма смутно представляют, как выглядит керосин, и совсем уж не знают, как прекрасно он пахнет. В москательной лавке Андроника все было пропитано керосиновым запахом, да и сам Андроник был пропитан им. Запах этот слегка дурманил голову и вызывал в воображении карти-

Зима в Тбилиси

ны несбыточных межпланетных путешествий. Струя керосина ударяла в двухлитровую кружку, которую Андроник опрокидывал в огромную воронку, вставленную в протянутый мной конусообразный бидон. Воронка закипала лилово-радужными пузырями, они мгновенно лопались, но и этих мгновений было достаточно, чтобы на сферической поверхности пузырей округленно отразились оконный переплет, деревья у тротуара, ослик, нагруженный кувшинами мацони. Я немедленно забегал в находящуюся рядом, в двух шагах, лавку восточных сладостей и на выторгованный у мамы гривенник покупал вязкую нугу, обклеенную с двух сторон промасленной калькой, или мамало – леденцового пестушка на палочке. Крашеный бог знает чем, он обладал сладковатым ароматом грушевой эссенции, мама запрещала мне его покупать, она боялась, что я отравлюсь, и вообще мальчику из порядочной семьи не подобало облизывать мамало.

Мало кто помнит, что был такой праздник – День ромашки. Праздновался он весной; в этот день на улицах к прохожим подходили девочки в белых передничках, поздравляли с праздником и прикалывали на грудь пластмассовый значок, изображающий ромашку. Потом они встряхивали копилкой, напоминая, что вам следует опустить туда несколько монет. Собранные деньги шли в помощь туберкулезным больным и бездомным детям, и каждому хотелось, чтобы к его груди прикололи ромашку – символ милосердия.

Алеша В. – это Алеша Вепхвадзе; я был года на два старше него, и в те времена, когда всем жилось трудно и недостаток в семье не почитался явлением зазорным, мои рубашки и штанишки, из которых я вырастал, постепенно переходили к нему. Затем, вероятно, они переходили еще к кому-либо, отужоженные и заштопанные. Не имея братьев, мы росли как братья и не чаяли души друг в

друге. Конечно, не обходилось без размолвок. Он был легко раним, беспомощен в споре и нетерпим к возражениям. Со знавая свое старшинство, я старался его не обидеть, он же мне, единственному, прощал то, чего не простил бы никому. Нашу дружбу мы бережно пронесли через всю жизнь. Время нас разбросало по разным городам, порой мы не виделись годами, но я всегда знал, что в любой день скажи ему – мне надо, чтобы ты приехал, – он, не раздумывая, бросит все и примчится, даже не спросив, какая в том нужда? Раз надо, значит что-то стряслось, тут уж не до раздумий и расспросов. (Однажды, когда мы уже были седыми, я обнял его за плечи и хотел произнести какие-то добрые слова, но он в смущении отмахнулся – мол, ладно, ладно, ведь и без слов все ясно. Все ясно и без слов, дружище, все в порядке... В салоне самолета, покрывая за два часа расстояние в две тысячи километров, чтобы отдать Алеше последний долг, я думал о том, что, в сущ-

ности, покрываю расстояние протяженностью в шестьдесят лет.

Я уехал в Москву, Алеша в Ленинград к профессору Р.Р. Френцу – учиться живописи. Встречались мы в Тбилиси, в дни каникул. В доме на Руставели, куда переехали Алешины родители, жил по соседству бывший царский генерал. Он часами сидел на балконе, безучастно глядя на улицу вылезавшими из орбит склеротическими глазами, и постоянно что-то бормотал. В дни празднеств он появлялся в побитом молью мун-

дире – без погон, но в регалиях. Однажды я прибежал к Алеше, не зная, что он спешно выехал в Ленинград, и по тбилисскому обычаю, не входя в подъезд, стал с улицы выкликать его имя, сложив ладони рупором. Генерал вышел на балкон, переставляя длинные негнувшиеся ноги, и, щелкнув каблуками, с уважением произнес:

– Алексис в Петербурге.

Этой фразой он и остался в нашей памяти.

...работа Алеши, за которую он получил диплом с отличием, – «Ранение князя Багратиона на

поле битвы» и по сей день висит в зале Панорамы Бородинского сражения в Москве.

В доме было несколько книг, купленных по случаю, и среди них один из томов дореволюционного «Чтеца-декламатора». С декадентской поэзией начала века я познакомился по этому тому и с завистью смотрел на помещенные в нем портреты Бальмонта, Сюлли-Прюдома и д'Аннунцио. Даже Ротгауз вызывал мое восхищение. Я бубнил на память сотни стихотворных строк, помню, например, до сих пор строки, не знаю – чьи: «Они стояли молча, и плакала она. И тихо плакал вечер у темного окна. И улица рыдала огнями фонарей...».

Фонари, огнями которых рыдала улица, мне очень нравились.

Дни, которые я проводил в школе, были однообразны, и запомнились чрезвычайными происшествиями. Но класс наш не отличался озорством, и происшествия случались редко. Да и заключались они в глупых и жестоких шутках, которые издавна известны всем школьникам. То ли дело, когда, сказавшись больными, некоторым из нас удавалось освобождаться от уроков и отправляться за город. В эти безмятежные дни мы могли делать все, что нам заблагорассудится: подняться на Мтацминду, или, сидя на подножке товарного вагона, уехать в Дигоми, или плескаться в Черепашьем озере. К вечеру мы возвращались домой со смиренным выражением на челе – усталые, голодные и счастливые. Каждый из этих дней запомнился, не померкнув.

Отец служил в спортивном обществе «Динамо» и раз в месяц получал паек. По меркам сегодняшнего дня семья наша жила бедно, но в мире, который нас окружал, многие жили беднее. Для всех нас, детей, початки вареной кукурузы, продающиеся на Дворцовой улице прямо

с дымящегося лотка, являлись лакомством. Я уже не говорю о французской булке с обильно политой горчицей парой горячих сосисок, которую можно было купить у Оперного театра. Мы носили то, во что нас одевали, и никому из нас не приходило в голову просить родителей приобрести нам какую-нибудь дорогостоящую вещь. Просить вообще было стыдно. Когда мы с отцом, гуляя по Муштаиду, проходили мимо кондитерского ларька, я старался не смотреть на куски любимого мной бисквита, посыпанные сахарной пудрой. Но отец, догадываясь о моем желании, всегда покупал мне кусок этого толстого, канареечно-желтого бисквита или треугольник не менее вкусного микадо–вафельного пирожного с шоколадной прослойкой.

И вот мне подарили «Фотокор». Такое счастье еще не выпадало ни одному из ребят нашего двора. Новенький, пахнущий дерматинром, он стоял передо мной на треноге, поблескивая металлическими деталями. Фокусировка устанавливалась движением гармошки, скользящей по полозьям. Кадр предварительно проверялся на матовом стекле, которое затем сменялось кассетой. Вставив кассету, следовало крышку ее поднять до отказа, и только тогда, торжественно предупредив: «Снимаю!» – нажать на тросик, привинченный к объективу. Остановленное мгновение запечатлялось на века.

...первый, кого я сфотографировал, был Алеша.

...французская булка, ласкательно – франзоля, нынче именуется городской.

Дедушку убили грабители – задолго до моего рождения, в 1907 году. Никакими сведениями о нем я не располагаю, знаю только, что он был выходцем из Ахалциха, держал лавку на Армянском базаре, в районе бань, торговал пряжей. Грабители явились в лавку днем, возму-

щенные, что он не откликнулся на их анонимное письмо и не оставил в указанном месте пакет с деньгами. Не раздумывая, он огрел одного гирей по голове, другого ударом в живот повалил на пол, но их все же было трое, а он – один. Началась драка. Поняв, что ему их не одолеть, он выбежал на улицу, взывая о помощи. Тогда они выстрелили ему в спину. Он бежал, а они продолжали стрелять.

Бабушка говорила, что он был росл, по-крестьянски крепок и обладал недюжинной силой. Этому верить можно – хотя бы потому, что иначе он не смог бы с пятью пулями в спине пробежать весь Армянский базар, свернуть на Серебряную 1(1 Армянский базар, Серебряная улица – кварталы в торговой части старого Тбилиси.) и рухнуть лишь у ворот своего дома.

Совсем молодой женщиной бабушка осталась одна с двумя детьми на руках. Был учрежден опекунский совет из числа ближайших родственников, которые, ликвидировав лавку и распродав оставшийся товар, вручили бабушке сумму, достаточную, чтобы воспитывать детей, сводя концы с концами. Правда, через некоторое время кое-кому из членов совета удалось обзавестись своим собственным делом.

Двое из моих многочисленных дядьев будоражат мое воображение. В живых я их не застал, знаю о них из рассказов родителей. Один, сводный брат мамы, был личностью, с моей точки зрения, весьма примечательной: кутила и забияка. Всю неделю он торговал на рынке зеленью и овощами, по воскресеньям отправлялся в Ортачала – пропивать выручку. Он был человеком добрым, веселым, необразованным, даже невежественным, и обладал собственным пониманием чести и достоинства. Он, например, считал своим долгом принять участие в любой потасовке. Его привлекала сама стихия междоусобицы, возможность про-

демонстрировать свою удаль. Поэтому в день своего замужества мама вся была в тревоге – как бы он не учинил скандала, придравшись к какому-либо неосторожному слову. Однако он оказался на высоте, был со всеми учтив, предупредителен. К дому жениха он подкатил на трех фэтонах; на сиденье первого покоились его сучковатая палка и картуз, во втором, горделиво поглядывая по сторонам, ехал он сам, в третьем помещались дары – бурдюк с вином, живой барашек, всякая снедь... Он мне мерещится среди пирующих в Ортачалах – каждый раз, когда я смотрю на полотно Пиросмани.

Второй из них приходился дядей не мне, а моему отцу – был младшим братом бабушки. Упомянув его, все в семье говорили – дядя. Этот являлся человеком совершенно другого порядка: фат и краснойбай. Одевался он у лучших портных города, носил котелок, любил женщин и мечтал разбогатеть. Все его финансовые начинания завершались крахом. Но неистребимое жизнелюбие не давало ему возможности впасть в уныние. Не успев рассчитаться с кредиторами, он затевал очередную авантюру – в уверенности, что на сей раз фортуна ему улыбнется. Появлялся он в доме бабушки всегда неожиданно. Большею частью это случалось тогда, когда ему перепали деньги. Виновато улыбаясь, он извинялся за вторжение в поздний час и извлекал из пакетов и свертков бутылки и закуску. Он говорил, что ему необходимо побеседовать со своими соратниками – о важных делах. Соратниками его всегда оказывались эксцентричные женщины, которые глядели на него с благоговением и которых он представлял как педагогичек. Он без умолку разглагольствовал о свободе, равенстве и братстве и даже намекал, что причастен к какой-то нелегальной организации. Не исключено, что он действительно некоторое время

бегал на собрания какого-либо кружка, подозреваю, националистического толка, но смекнув, что это чревато неприятностями, быстро распрощался с идеями о переустройстве мира.

Жена его и дочь жили в Батуми; изредка, в перерыве между романами, он их навещал. Дочь он любил до безумия. Однажды, пытаясь вернуть его в лоно семьи, жена дала ему телеграмму, что дочь тяжело заболела. Это было в разгар империалистической войны. Он тотчас же выехал в Батуми, заразился в пути сыпняком и умер.

Когда я начал писать стихи и уверять домашних, что скоро прославлюсь, когда стал бегать на свидания то к одной, то к другой, отец часто повторял:

– Был бы жив дядя, ты вмиг бы нашел с ним общий язык.

Этот дядя, которого я никогда не видел, почему-то всегда вызывал во мне симпатию.

Раз в год, в день именин отца, приходил священник – стучался неуверенно, готовый к тому, что дверь перед ним захлопнется. Многие из бывших прихожан уже отказались от его услуг, но бабушке было как-то совестно сказать старому человеку, оставшемуся без средств после закрытия церкви, что появление его в доме нежелательно. Он и сам чувствовал двусмысленность создавшегося положения, поэтому обряд свой совершал наскоро и, получив скромный гонорар, спешил удалиться. Мне его было немного жаль, он совсем не походил на изображаемых на плакатах попов-пауков, взгромоздившихся на спину согнутого в три погибели рабочего.

Закусочный стол накрывался с утра – на случай, если кто из гостей вздумает прийти днем. Меня причесывали и облачали в парадный костюм, предлагали отправиться в соседний скверик – погулять, лишь бы я не мельтешил на кухне, мешая готовке. Считалось хорошим тоном подарки присылать с посыльным, и, бывало, посыльный в фир-

менной шинели и в фуражке с красным околышем доставлял огромный торт с воткнутой в крем визитной карточкой, или букет цветов, а то и корзину цветов с бутылкой шампанского. Я слонялся по квартире и поглядывал во двор – не мелькнет ли в воротах красный околыш посыльного.

Гости были чуть ли не в два раза младше меня теперешнего и казались мне людьми пожилыми. Всех их объединяли – близкие и дальние – родственные отношения, но принадлежали они к мирам разным. В основном они делились на торговцев, приспособившихся к новым условиям, и на ревнителей светлого будущего. Первые робко жаловались на власть, вторые советовали помалкивать. Они советовали потряхнуть мощной и выложить для нужд государства припрятанную валюту, первые же божились, что выложили все и выкладывать больше нечего. Все эти разговоры не мешали им, в ожидании ужина, играть друг с другом в нарды и произносить за столом заздравные тосты. Если священник являлся в час пиршества, мои идейные дядя, повскакав с мест, временно удалялись в другую комнату – их убеждения не разрешали им присутствовать при богослужении. Ни один из них не дожил до начала Отечественной войны.

Мы, мальчишки, играя во дворе, говорили на трех языках, вернее на одном странном языке, сочетавшем грузинские, армянские и русские слова. Наш трехэтажный дом был типичным тифлисским домом со множеством лестниц-спиралей и с балконами, выходящими во двор. На балконах женщины готовили обед, стирали белье, громко переговаривались, делясь новостями или прося друг у друга займы – головку лука, стручок перца. Иногда происходили ссоры. Тогда все жильцы, побросав дела, слушали перебранку двух соседок. Вечерами мужчины на балконах степенно

попивали чай или, из граненых стопок, – вино, и вполголоса пели. Днем двор наш был криклив, вечерами задумчив.

Сумерки действовали на меня угнетающе. Час, когда день мерк, а вечер еще не вступил в свои права, томил своей неопределенностью. В окно был виден остроконечный купол Сурб-Нишанской церкви, выложенный голубым кафелем, над ним витали стаи птиц, в тихие осенние сумерки они улетали на юг – через пустыни и моря – в страны, которые манили своей экзотичностью. В магазине колониальных товаров я видел коробки с этикетками – на них были изображены океанские пароходы, львы, пальмы и пирамиды, и мне казалось, что птицы летят именно к этим, недоступным мне, пальмам и пирамидам. Мама любила петь народные армянские песни, все они были печальны, но особенно печальна была одна – о высоких горах. Высокие скалистые горы и одиноко сидящих на выступах грифов я запомнил по цветной вкладке в толстой книге о флоре и фауне Земли, и каждый раз, когда мама начинала петь, я их вспоминал. Эти синие горные вершины, освещенные лучами заходящего солнца, вызывали во мне чувство такой безысходности, что губы мои кривились и я вот-вот готов был заплакать.

Я был сентиментальным мальчиком с избытком воображения.

Кроме заброшенных этюдов Лютше, в стопке нот, громоздившейся на пианино, имелись ноты расхожих песенок, вроде «Кирпичики», «Джон Грей» или «Весна в Париже», и среди них – популярный романс «Генацвале» на слова Гришашвили. С Иосифом Гришашвили я познакомился, когда начал писать стихи и бегать в Союз писателей на занятия литературного кружка. Кружок вел Владимир Эльснер, иногда, бывая наездами в Тбилиси, Рюрик Ивнев. Работу кружка курировал Симон Церава; он-то и познакомил меня с Иосифом Гришашвили.

Гришашвили был маститым поэтом, и когда он шел по Руставели, прохожие, узнавая его, считали своим долгом с ним здороваться. Знакомством с ним я очень гордился. Он подарил мне сборник своих стихотворений – с надписью, в которой щедро назвал меня своим другом. Другьями мы, разумеется, не были. Много позже я понял, что другом для него был каждый, в ком он видел готовность бескорыстного служения Поэзии. Через все годы я пронес чувство благодарности к этому мудрому человеку, проявившему доброе отношение к юноше, делающему первые шаги в литературе.

В своих стихах он воспевал романтику старого Тифлиса, хотя давно, еще в двадцать пятом году, распрощался с ним в стихотворении, которое так и называется – «Прощание со старым Тифлисом». Однако, несмотря на три радостных восклицательных знака в последней строке, каждая строфа этого стихотворения проникнута горечью. Он вдоволь насыщался упреков за свою приверженность к милой его сердцу старине, и понадобилось немало лет, чтобы она, хоть и декоративно, воскресла в веселом празднике «Тбилисоба». Блуждая сегодня в лабиринте улиц Чахрухадзе, Шавтели, Бараташвили, глядя на разноцветные балясины балконов, на базилику Анчисхатской церкви, на витиеватый, словно возникший из сказок Шехерезады магазинчик «Oriental sweets» я вспоминаю Иосифа Гришашвили и напрасно надеюсь, что, свернув за угол, встречу его...

Отличником я, конечно, не был. Мне всегда казалось, что круглые отличники – люди, несомненно, способные, но не определившиеся. В десятом классе я в этом убедился. Они все еще решали, какую дорогу избрать, для меня же вопрос этот решился сам собой задолго до десятого класса. Я и Витя М. твердо знали, чего мы хотим. Нас считали чужаками.

Семья Вити жила в крайней нужде. Его мать – дочь когда-то состоятельных родителей – служила на телеграфе приемщицей. Бабушка только и делала, что предавалась воспоминаниям о былых вояжах в Ниццу и Баден-Баден. Ей, прикованной к постели тяжким недугом, ничего другого и не оставалось. Отца Витя никогда не упоминал, и я никогда о нем его не спрашивал. Витя был одержим страстью к изобретательству. Над его кроватью висел портрет Эдисона. На сэкономленные на завтрак деньги Витя приобретал химикалии; его стол был заставлен аккумуляторами и динамомашинками, под потолком, в четырех углах были установлены антенны. Я, еле получавший по физике тройки, ничего в его опытах не смыслил, но грандиозность замыслов восхищала. Долгое время он работал над машиной для передачи мыслей на расстояние.

С нами училась девушка по имени Люда. Мать ее умерла давно, когда Люда была еще маленькой, и ее воспитывал отчим. Жилось ей несладко. Иногда мы встречали Люду, гуляющей с отчимом по Руставели, – он крепко держал ее за руку и не разрешал смотреть по сторонам. В девятом классе Витя влюбился в Люду. Он влюбился со всем отчаянием и безрассудством своих семнадцати лет. Что делать с захлестнувшим его вдруг чувством, он не знал. При встрече с Людой он бледнел и, боясь на нее взглянуть, проходил мимо. Он заявил, что приедет любого, кто осмелится после уроков провожать ее домой. Предугадать его поступки было невозможно, и никто из нас не усомнился в его словах.

То, что сделал Витя для доказательства своей любви, было похлеще угроз и превзошло все наши ожидания. Витина мать, получив на работе незначительную премию, решила купить ему ботинки. Старые, в которых он ходил, были до того разбиты, что подошву приходилось об-

матывать проволокой. Отправляя сына в школу в новых ботинках, она глядела ему вслед, ликуя. Но, выйдя из дому, Витя отправился не в школу, а за город. Там под палящими лучами солнца при помощи увеличительного стекла он выжег на носках своих новых ботинок инициалы возлюбленной. Когда на следующий день он появился в школе, весь класс ахнул от восторга и удивления. Даже циники, готовые позлословить по любому поводу, приумолкли, поняв, что тут уж не до шуток.

Мы с Витей были друзьями, и я очень дорожил его дружбой. Я и сейчас дорожу дружбой людей, совершающих поступки, на которые я не способен.

Я сидел над раскрытым учебником и думал о том, что прежде чем идти гулять, следует приготовить уроки. Я так долго думал об этом, что давно бы успел уроки приготовить.

Я сидел над учебником – в надежде, что все же возьму

себя в руки и приступлю к занятиям. Но приступить к занятиям я никак не мог. Меня тяготило какое-то смутное, неосознанное желание. Я маялся, не понимая, что со мной происходит, и в конце концов решил бросить все и пойти к Вите. Решив, я сразу догадался, что все это время мне хотелось пойти к нему. Он жил на Музейной, я часто бывал у него дома, мы беседовали допоздна, посвящая друг друга в свои тайны.

Витя обрадовался моему приходу так, будто не видел меня вечность.

– Пришел все-таки, – сказал он улыбаясь.

– Пришел, – сказал я. – А что?

Он провел меня в комнату и многозначительно показал на антенны.

– Видишь? – сказал он. – Это я внушил тебе бросить уроки и прийти ко мне.

Я стоял как пораженный громом и чувствовал, что обалдеваю.

Поскольку многие учащиеся являлись детьми военнослужащих, то состав нашего класса не отличался стабильностью. К началу учебного года часть его обновлялась. Родители забирали детей, уезжая в другие города – к месту назначения. Мы

привыкли легко забывать вчерашних друзей и так же легко обретать новых. Поэтому мы не очень задумались над потерями, которые понесли в девятом и десятом классах. Постепенно от нас ушли Вахтанг Т., Этери Г., Ирина М., Эдик М., – их перевели в другие школы, на окраины города. Это было связано с событиями, происходившими в мире взрослых, от которого нас старались оградить, но мы, тем не менее, по внезапно наступившей тишине и по уклончивым ответам родителей догадывались, что в мире их не все благополучно.

...Жора Берман погиб в сентябре сорок второго, под Новороссийском.

От нас требовали, чтобы мы учились хорошо и вели себя прилежно. После уроков мы были предоставлены самим себе и все свободное от школы время отдавали двору и улице. Но чем старше мы становились, тем меньше оставалось свободного времени. В моду вошли походы. Мы шли в походы – то в зоопарк, то в музей, то к местам каких-либо достопримечательных – давних или недавних – событий. Походы эти именовались мероприятиями. Запланированные заранее, они были лишены

случайной и ничем не заслуженной радости. Одно дело, например, бегать в кино, удрав с уроков, и совсем другое – смотреть эти же фильмы в обязательном порядке. Но когда однажды воскресным утром нас повели в ДКА на просмотр фильма, о котором было много слухов, но который в нашем городе еще не шел, я, как только вспыхнул экран, забыл обо всем на свете. Теперь я с гордостью говорю, что принадлежу к первому поколению зрителей этого, не побоюсь сказать, исторического фильма. В нем смешные ситуации следовали одна за другой, и каждая была смешнее предыдущей, я прямо-таки помирал со смеху, да не только я – весь зал, когда поросята, взобравшись на богато сервированный стол, лакали вино из ваз, или оркестранты, дерясь на инструментах, повисали на люстре под потолком. Все это перемежалось легко запоминающимися песнями – то меланхоличными, то бодрыми. Тогда же я впервые услышал имя, которому суждено было прогреметь на всю страну и впоследствии стать легендарным. Легендарным стал и джаз-оркестр, руководимый этим человеком. Не было семьи, в которой не имелась бы его пластинка, и когда по радио передавали его песни, каждый узнавал его по голосу – сразу. Многие годы он являлся кумиром моего поколения.

...умер он несколько лет назад – в наивной уверенности, что тот, кто шагает по жизни с песней, нигде и никогда не упадет.

Одно из первых воспоминаний: я сижу в тазу, вокруг меня вспыхивают солнечные зайчики. Наверно, был жаркий день, меня раздели, посадили в таз с водой. Я разбиваю ладонями поверхность воды, вижу мамино лицо, только лицо, мама склонилась надо мной, уговаривает не шалить. Я продолжаю резвиться, смеюсь, и повисают на ресницах капли воды, прыга-

ют солнечные зайчики. И еще вижу, совсем близко, густые ветви, свежую листву – даже не зеленую, а салатную... На даче ли было это или на балконе тифлисского дома – не знаю.

...шумит время.

Пока отец и дядя Платон беседовали, я смотрел по сторонам, наблюдая за расходящейся после матча публикой, и вдруг заметил в толпе человека, которого сразу узнал. Он шел легкой походкой, противоречащей его дородной фигуре, в черном, не по сезону, костюме, с гвоздикой, продернутой в лацкан пиджака. Это был известный поэт, его стихи я встречал на страницах «На рубеже Востока», где печатались произведения писателей Закавказья, и видел его портрет в витрине фотоателье Козака, в Сололаках. У него были светлые, чуть навывах, продолговатые глаза и четко очерченные пухлые губы; эти губы и ниспадающая на лоб челка придавали его круглому лицу выражение детскости. До чего же я удивился, когда, взглянув в нашу сторону, он издал поздравление с дядей Платоном. Он поздравился несколько подчеркнуто, подняв руку в жесте, каким идущие на смерть римские гладиаторы приветствовали Цезаря.

– Вы с ним знакомы? – спросил я дядю Платона с замиранием сердца.

Мы стояли на Плехановской – там, где раньше находился стадион «Динамо».

Платон Шалвович М. являлся давним другом моего отца. За пропагандистскую деятельность среди рабочих железнодорожных мастерских его дважды арестовывали, он дважды бежал из тюрьмы, был одним из тех большевиков, что устанавливали в Грузии Советскую власть. В разные годы он занимал высокие посты в области народного хозяйства.

– Почти, – ответил дядя Платон и, улыбнувшись своим мыслям, продолжил, обраща-

ясь уже не ко мне, а к отцу: – Пришел он однажды ко мне на работу. Это было давно. Тогда много людей приходило, и каждый – с просьбой. Поговорил о литературе и попросил денег. Они там собирались издавать какой-то альманах, но денег у них не было, вот они и решили провести подписку – в надежде, что советские учреждения поддержат их в их начинании. Речь шла о сущих пустяках, я вызвал бухгалтера и распорядился отпустить деньги из директорского фонда. С тех пор мы и здороваемся.

– А альманах? – спросил я.

– Что – альманах? – не понял дядя Платон. – С альманахом у них, надо полагать, ничего не получилось. Во всяком случае я его не видел. Впрочем, то, что у них ничего не получится, я уже понимал, отпуская деньги. – И дядя Платон рассмеялся.

Дядя Платон не дожил до начала Отечественной войны, так же как и поэт, который остался в моей памяти – с гвоздикой в петлице и с поднятой в приветствии рукой.

Мама решила, что на первые заработанные мной деньги надо купить нечто вечное, нетленное. Сто двадцать рублей, которые я получил за очерк о городской пожарной команде, опубликованный в «Вечернем Тбилиси», были больше чем деньгами – они были гонораром. – «Коля получил гонорар», – сообщала мама родственникам. Она пошла в комиссионный магазин и после долгих раздумий остановила выбор на музыкальном ящике.

Музыкальный ящик представлял собой полированную деревянную коробку с инкрустированной крышкой. Откинув крышку, можно было увидеть сердцевину коробки, ее нутро. Множеством шестеренок и молоточков оно напоминало часовой механизм. Вдоль коробки тянулся цилиндрический стержень, утыканный металлическими штифтиками. Пружина, разматываясь, вращала

стержень, и тонкие пластинки, прикрепленные к боковым стенкам коробки, освобождаясь от штифтиков, издавали звуки разной тональности.

Незатейливые звуки менуэта переносили меня в другие времена и в другие обстоятельства. Мысленным взором я видел, как в просторном зале старинного замка, на полу, выложенном в шахматном порядке квадратами черного и белого мрамора, приседая в танце, двигались мужчины в зеленых камзолах, белых чулках и в башмаках с серебряными пряжками и обнаженные по плечи женщины с мушками на щеках, в кринолиновых юбках, из-под которых высывались носки узких шелковых туфель.

Я готовился к завоеванию Москвы. Литературный институт, вне которого я не мыслил своей жизни, представлялся Олимпом, а те, что уже учились в нем, казались причисленными к сонму бессмертных. Никакие ссылки на Чехова, который сперва был врачом, а потом стал писателем, не способны были заставить меня отказаться от принятого решения. Только в Литературный институт и ни в какой другой стремилась моя душа. Там преподавали лучшие поэты страны: Асеев, Сельвинский, Антокольский, Луговской, Кирсанов – мои принципалы; учиться у них, беседовать с ними на правах подмастерья – это ли не счастье?!

Я был уверен в гениальности моих стихов, но порой меня одолевали сомнения – вдруг не примут? Поэтому, кроме гениальных стихов, следовало иметь в запасе что-нибудь более реальное. Реальным пока что у меня был только очерк о городской пожарной команде.

В годы войны музыкальный ящик мы с мамой повезли в Сабуртало, на черный рынок, и в числе прочих вещей обменяли на пару килограммов кукурузной муки, из которой бабушка выпекла круглые лепешки – мчади, так что с некоторой на-

Н. Шахбазов с супругой и двоюродными сестрами Люцеттой и Нелли

тяжкой можно сказать, что мой первый гонорар был истрачен на хлеб.

Чем меньше дней оставалось до выпускных экзаменов, тем мучительнее было учиться. Не терпелось вырваться на волю, уйти из-под опеки педагогов, от их наставлений, от постоянного родительского контроля.

Мне было года два, когда я пропал. Сполз по ступенькам, потопал через двор и вышел за ворота. На мне было красное платье.

Кто-то из состоятельных родственников подарил мне куклу. Она была большая, с меня ростом, закрывала глаза, когда ее опрокидывали на спину, и произносила: «Ма-ма». В дни стирки платье с нее снимали и надевали на меня. В ее красном платье я вышел за ворота и зашагал в сторону Пушкинской.

Я не знал, что я пропал, поэтому не плакал. Думал ли я о чем-нибудь? Вряд ли. Шел куда глаза глядят, наслаждался свободой. На углу Серебряной и Пушкинской меня заметил возвращающийся с рынка Якоб, наш дворник. Он взял меня за руку и вернул домой. Впоследствии он говорил, что узнал меня по красному платью.

Дома стоял страшный пере-

полох, когда мы с Якобом появились в воротах. Мама, спохватившись, что меня нет, подняла весь двор на ноги. Никому не приходило в голову, что я мог уйти в город, поэтому меня искали в подвалах, на чердаке, в закутках. Когда Якоб сказал, что нашел меня на углу Пушкинской, мама упала в обморок, ее отпаивали валерьяной.

Кто знает, как бы все обернулось, не будь на мне красного платья моей куклы?

...пришел срок возвратиться к началу, пришел срок.

Школа наша была семилетней, но когда мы кончили седьмой класс, открылся восьмой. По мере того как мы переходили из класса в класс, открывался следующий. Таким образом четыре года мы являлись старшим классом школы, ее головным отрядом. Этому обстоятельству мы придавали особое значение, считая, что прокладываем путь тем, кто идет за нами.

В десятом классе мы переехали в новое здание, построенное рядом с нашей школой, и получили новый номер – пятьдесят шестой. Фотография-виньетка первого выпуска пятьдесят шестой школы, многократно увеличенная, долгие годы висе-

ла в кабинете директора – в наидание молодым поколениям.

Тамара С., которой учеба давалась с трудом, заявила, что ей не надо гадать о своем будущем – у нее есть жених и после десятого класса сна выходит замуж. Поэтому мы не очень удивились, когда на выпускной вечер она пришла в туфлях на высоких каблуках. Удивило другое: никто из педагогов не сделал ей замечания.

Оказалось, что мы повзрослели.

Вертится заигранная пластинка на семьдесят восемь оборотов, хрипит в углу патефон, мы танцуем под фокс и слоу-фокс, танго и квикстеп, ребята из десятого класса, вчерашние маменькины сынки, и – море нам по колено. Нам уже вручили аттестаты, и директор толкнул речь, и родители удалились, чтобы не смущать нас своим присутствием в наш последний школьный вечер. Прощай, школа! Прощайте, парты с вырезанными нашими инициалами, выбитые стекла и дворик, где мы на переменах гоняли мяч. Прощайте, наши девушки в майках и в тапках с голубыми каемками, и наши замечательные педагоги, мы великодушно простили вам все огорчения, все несправедливые отметки. Нам жаль с вами расставаться, но нас ждут великие свершения...

Мы немного под хмельком от разбавленного вином лимонада. Вертится пластинка. Обнявшись, мы всем классом поем «Сердце, тебе не хочется покоя», клянемся в любых обстоятельствах хранить верность нашему школьному братству, и слезы туманят взор, и мы – счастливы.

– Стихи! Читай стихи! – (Это через весь зал кричит мне Гоги П.).

На дворе стоит жаркое лето тысяча девятьсот тридцать седьмого года.

სანქტ-პეტერბურგის
კულტურის კომიტეტი
КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

სანქტ-პეტერბურგის დღეები თბილისში

ДНИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ТБИЛИСИ

10 ნოემბერი | 19:00
ноября

დონ კიხოტი

ბალეტი სამ მოქმედებად

Дон Кихот

БАЛЕТ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ლეონიდ იაკობსონის სახელობის
სანქტ-პეტერბურგის სახელმწიფო
აკადემიური ბალეტის თეატრი

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР БАЛЕТА
ИМЕНИ ЛЕОНИДА ЯКОБСОНА

მუსიკა - ლუდვიგ მინკუსი
МУЗЫКА ЛЮДВИГА МИНКУСА

ლიბრეტო - მარიუს პეტიპა
ЛИБРЕТТО МАРИУСА ПЕТИПА

დადგმა და ქორეოგრაფია - იოჰან კობორგი
ПОСТАНОВКА И ХОРЕОГРАФИЯ ЙОХАНА КОБОРГА

მარიუს პეტიპას სპექტაკლის მიხედვით
ПО МОТИВАМ СПЕКТАКЛЯ МАРИУСА ПЕТИПА

დამდგმელი მხატვარი - ჟერომ კაპლანი
ХУДОЖНИК-ПОСТАНОВЩИК ЖЕРОМ КАПЛАН

სასცენო განათება - ვენსან მილლე
ХУДОЖНИК ПО СВЕТУ ВЕНСАН МИЛЛЕ

ა. გრიბოედოვის სახელობის თბილისის სახელმწიფო
რუსული დრამატული თეატრის სცენაზე

НА СЦЕНЕ ТБИЛИССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО
РУССКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ А. С. ГРИБОЕДОВА

ბილეთების შეძენა და დაჯავშვნა: (032) 2 931 106 | (032) 2 93 43 36
ЗАКАЗ И ПРИОБРЕТЕНИЕ БИЛЕТОВ:

biletebi.ge

ТБИЛИСИ. НА ПРАЗДНОВАНИИ ДНЯ НЕЗАВИСИМОСТИ
Фото Александра СВАТИКОВА